

ПОД
НОВЫМ
НЕБОМ

Александр
Кучаев

или *На углях
астероида*

Александр Кучаев

**Под новым небом, или
На углях астероида**

«Геликон Плюс»

2015

Кучаев А.

Под новым небом, или На углях астероида / А. Кучаев —
«Геликон Плюс», 2015

Роман «Под новым небом, или На углях астероида» – это история об интернациональной группе людей, выживших при планетарной катастрофе, и их борьбе за существование в экстремальных условиях. Роман написан в стиле книг «Таинственный остров», «Остров сокровищ» и «Робинзон Крузо». Увлекательный динамичный сюжет, небывалая насыщенность событиями, острота повествования уже с первых строк захватывают читателей, нередко приводя их в восторг. Написано просто, читается на одном дыхании. Если вы хотите погрузиться в мир необычных, удивительных приключений, то эта книга для вас.

Содержание

Книга первая	6
Двое и собака	8
Долина гейзеров. Бристоль	39
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Кучаев
Под новым небом, или На углях астероида

© Кучаев А, текст, 2015

© Геликон Плюс, макет, 2015

* * *

Книга первая

*...И упала с неба большая звезда,
горящая подобно светильнику...*

Откровение Иоанна-богослова

В масштабах бесконечного пространства планета Земля была подобием электрона, вращающегося вокруг своего ядра – Солнца.

Как и все тела в мироздании, она представляла собой не инертную массу, а действующее, живое относительно макрокосмоса образование, которому периодически, после нескольких десятков миллионов оборотов, требовалась активация. Для улучшения самочувствия и поддержания происходящих в нём энергетических процессов.

Предварительно Земля посылала в определённую точку пространства серию гравитационных импульсов, с тем чтобы вызвать ответное действие, приносящее исцеление.

Очередные «точки» и «тире» таких импульсов надлежало отправить после того, как планета совершит ещё один миллион оборотов вокруг Солнца, но с некоторых пор она стала изнемогать от нечистот, которыми её загрязняли микроскопические двуногие существа, расселившиеся на материках и островах. Понадобилась безотлагательная очистка, и гравитационная весточка ушла досрочно.

Весть эта была принята, и, немного изменив обычную траекторию движения, к планете устремился один из активаторов – астероид диаметром более 10 километров.

У человечества имелись технические возможности для предотвращения приближающейся катастрофы, но не было достаточно благоразумия. Занятое извечными внутренними проблемами и разными междоусобными распрями мировое сообщество длительное время игнорировало предупреждения учёных об опасной близости астероидов. Начавшаяся наконец работа по созданию системы обороны планеты не успела продвинуться дальше стадии проектирования.

Посланец из космоса был обнаружен всего лишь за один час тридцать семь минут до его соприкосновения с Землёй. В Западном полушарии была ночь. Когда поставили в известность президента Соединённых Штатов, он приказал объявить общенациональную тревогу. Всем было рекомендовано выехать из крупных городов и тем самым уберечь себя от обломков зданий, а также покинуть побережья – на случай возникновения цунами. Затем он распорядился проинформировать правительства других держав.

Оценив степень угрозы и поняв бесполезность каких-либо действий, российское руководство, в противоположность американскому, отказалось от внесённого предложения оповестить население страны. Кроме как к всеобщей панике в последние минуты, это ни к чему привести уже не могло. Слухи о предстоящем столкновении всё же просочились, но широко распространиться не успели. Поэтому всплеск панических настроений носил локальный характер.

В то время как в Америке и многих других странах люди ринулись прочь из городов и от побережий и десятками тысяч гибли в безумных автомобильных гонках, большинство россиян, ничего не подозревая, занимались обычными повседневными делами.

Столкновение произошло в районе Атлантического океана на широте Канарских островов, примерно посередине между Америкой и Северной Африкой. В это мгновение стрелки часов в Вашингтоне показывали два часа двадцать восемь с половиной минут. Было 11 июня.

Небо словно прочертил огромный факел, и люди закричали от ужаса. Взрыв, сопровождавший соприкосновение астероида с поверхностью Земли, многократно превзошёл хлопок при падении Тунгусского метеорита. В результате астероид полностью разрушился, частично

испарившись, а частично развеявшись в виде пыли в бескрайних просторах. В пыль и пар превратились и огромные массы земной коры. Берега Атлантики обдало нестерпимым, всё сжигающим жаром. На поверхности океана образовалась гигантская волна, которая в короткий срок достигла побережий континентов и устремилась дальше по суше, подминая под себя и города, и нескончаемые автомобили, на которых люди пытались спастись от гибели.

Одновременно содрогнулись и пришли в движение тектонические плиты. По планете прокатились невиданные землетрясения. В одних местах земля собиралась гармошкой, в других образовались бездонные разломы, в которые проваливались и города, и селения. Там, где простирались долины, появились горы, а где возвышались горы, они стали ещё выше или исчезли совсем, оставив после себя пропасти, быстро заполнявшиеся грязью.

Одни реки изменили русло, другие исчезли с лица земли, третьи понесли свои воды в обратном направлении.

С небывалой силой дали знать о себе действующие вулканы. Образовалось множество новых вулканов. Все они извергали бесчисленные потоки раскалённой лавы и выстреливали в заоблачную высь мириады разновеликих камней. В небо вырывались плотные тучи пепла, беспрестанно валившегося затем вниз и устилавшего значительные территории многометровыми всепоглощающими пластами.

Континенты частично утратили свою конфигурацию. Некоторые из островов ушли в водную пучину, появились новые острова. Сокрушительные волны раз за разом проходили по океанским просторам, схлёстываясь на встречных направлениях и на десятки и сотни километров прокатываясь по ещё недавно цветущим равнинам.

Колоссальные возмущения произошли в атмосфере. Один за другим проносились страшные ураганы, сопровождаемые адскими по силе грозами. Неисчислимые разряды молний рвали в клочья небо и огненными столбами били в землю, оплаывая и воронкообразно углубляя её. Исполинские смерчи проносились здесь и там, и как только одни из них, выдыхаясь, сворачивали смертоносные объятия, на смену им тут же приходили другие, подхватывая, калеча и перемалывая в труху всё встречавшееся на пути.

Разверзлось небо, и хлынуло какое-то подобие повсеместного водопада, как будто там, наверху, опрокинулось бездонное безбрежное море. Мутные бурные потоки устремились в низины, уничтожая то небольшое, что продолжало цепляться за жизнь.

Град, выпадавший с ливнями, величиной превосходил лошадиную голову. Воздействие его было подобно пушечным ядрам. Он крушил ещё уцелевшие стены и, как спички, ломал деревья.

Планету окутали непроницаемые тучи пыли, препятствуя проникновению солнечных лучей. Температура в нижних слоях атмосферы покатилась вниз, и спустя некоторое время вместо дождя повалил густой грязно-серый снег. В считанные дни все материки покрылись его глубоким погребальным саваном.

Прошло ещё сколько-то времени, и трескучие морозы заковали океаны в ледяной панцирь. Темнело лишь, робко плещась, несколько прилегавших к экватору оконцев. Земля стала походить на Плутон, блуждающий в вечном холоде где-то на окраине Солнечной системы. И на юге, и на севере воцарился кладбищенский мир и покой.

Двое и собака

Пётр Васильевич включил свет и разбудил сына.

– Вставай, пора, начало четвёртого, всю рыбу проспишь, – сказал он, понижая голос.

Игорь, как пружина, выпрыгнул из постели и, воскликнув: «Оп-ля!» – очутился посреди комнаты.

– Тихо ты, – отец нахмурился и кивнул на дощатую перегородку, за которой находилась комната Аньки, младшей сестры Игоря. – Смотри, разбудишь.

– В самом деле, – перешёл на шёпот Игорь и, подкравшись на цыпочках к двустворчатой двери, врезанной в перегородку, просунул нос на женскую половину.

Анька лежала на спине, разметав по подушке волнистые тёмно-русые волосы и закинув руки за голову. Белая простыня свободно облегла её молодое тело, подчёркивая его первозданную красоту.

«Выросла, невеста уже», – подумал Игорь.

Повернув голову на шорох у двери, Анька вскинула брови и весело и озорно улыбнулась. Брат, студент музучилища, приехал домой на каникулы, и радость встречи с ним ещё грела её своим теплом. Улыбнувшись в ответ, Игорь прикрыл дверь и, сохраняя улыбку, повернулся к отцу.

– Спит, – не моргнув глазом, соврал он и спросил: – А мать что?

Приложив ладони к щеке, Пётр Васильевич дал понять, что мать тоже поживает.

– А может, с собой взять Аньку-то? – неуверенно произнёс Игорь. – Она вроде хотела с нами.

– Девки нам только не хватало! – Пётр Васильевич недовольно поджал губы.

На кухне Игорь плеснул в лицо из рукомойника, вытерся вафельным полотенцем и, заметив на подоконнике зажигалку, притаившуюся между цветочным горшком и косяком, взял её и подал отцу.

– Забыл! – с лёгкой укоризной произнёс он. Пётр Васильевич был заядлым курильщиком, прикуривал всегда от спичек, а Игорь в подарок привёз ему зажигалку. Пётр Васильевич виновато улыбнулся и опустил зажигалку в карман.

За считанные минуты они собрались и, сопровождаемые хозяином подворотни Цыганом – крупной молодой дворнягой с длинной густой шерстью и обвислыми ушами, отправились на рыбалку.

Оставив за собой свою улицу, они дошли до оврага, разделявшего город на две половины. Отсюда уже была видна Волга с её широкими берегами и спокойными, тёмными в утренних сумерках водами, Тихая Заводь, где они собирались удить рыбу, заброшенные корпуса судоремзавода с аллеей тополей между мехцехом и полуразрушенной конторой и одинокой баржей на пустынном дворе. Дальше, из-за косогора, посылала привет берёзовая роща с полусонным туманистым белоствольем, среди которого местная молодёжь каждый год шумными гуляньями провожала весну.

Соскучившись по родным местам, Игорь скользил восторженным, всё подмечающим взглядом по просыпающемуся пейзажу, задерживаясь на секунду то на одном, то на другом его фрагменте, в том числе и на самоходной барже, совершенно не ведая, какую роль в их судьбе в самом скором времени сыграет и она сама, и то, что было вокруг неё.

Спустившись вдоль оврага к реке, они берегом дошли до Тихой Заводи, встали у заранее прикормленного места и закинули удочки.

Не успел Игорь присесть на бревёшко, добела вылизанное волнами, как поплавок дёрнулся и ушёл под воду. Подсечка – и под ноги плюхнулся и забился на песке крупный окунь. Сменив наживку, Игорь вновь закинул удочку, и гусиное перо поплавка, едва встав торчком

на воде, снова дрогнуло раз и другой. Движение удилищем – и чёрный, страшный на вид бычок с оттопыренными жабрами чёртом взметнулся в воздух и, перелетев через Игоря, упал позади него.

Неплохое начало. Игорь с торжествующей улыбкой повернулся к отцу, удившему в полутора десятках метров от него. Но и Пётр Васильевич зря времени не терял – в наполненной водой песчаной выемке за его спиной гулял более чем полуметровый судак. Игорь растерянно захлопал глазами: «Когда он поймал его? Спал я, что ли, не видел?»

Рыба шла и шла на крючок, и каждую удачу Цыган отмечал громким заливистым лаем. На него цыкали и гнали прочь, награждая галечными окатышами. «Рыбу распугаешь! – приглушенно вскрикивал Игорь, грозя кулаком. – Пошёл домой, пошёл, кому сказано!» Но недисциплинированный Цыган оставался верен себе; как только его упускали из виду, он немедленно возвращался, и его лай вновь разносился по Тихой Заводи.

На другом её берегу, прямо напротив них, рыбачил Авдеич, сосед Петра Васильевича через двор. Удочку его словно заколдовало – редко когда он взмахивал ею, и по унылому, скучающему лицу его было сразу понятно, что на крючке пусто.

Не выдержав испытания, он обогнул Заводь и подошёл к нашим рыбакам – изборождённый морщинами кряжистый поседелый старик.

– Вот зараза, ни одной не поймал, – сказал он с невинной добродушной улыбкой. – Я тут постоянно возле вас, – без малейшего смущения добавил он. – От вас много не убудет.

Авдеич внаглую нарушал неписаное рыбацкое правило не лезть на чужое место, но отец с сыном промолчали. Не прошло и минуты, как он выдернул из воды леща, за ним окуня, сорогу... Авдеич довольно побряхтывал и, встречаясь с Игорем взглядом, всякий раз хитровато подмигивал ему.

Без четверти пять – время это Игорь, отвернув рукав куртки, отметил на часах – из-за белых башен элеватора, видневшихся наискосок на другой стороне Волги, стал выплывать красноватый солнечный диск и серая предутренняя мгла бесследно исчезла, уступив место жизнерадостным краскам, которые с каждым мгновением становились всё ярче и контрастнее.

К девяти часам помимо бычков и ершей на их счету было десятка полтора окуней, три сороги, четыре судака, один из которых, тот, первый, весил килограммов пять, не меньше, здоровенный жерех, три сазана и две щуки – обе длинные, похожие на торпеды.

– А ещё говорят: «июнь – на рыбалку плюнь», – весело скаля зубы, сказал Игорь. – Вот повезло, так повезло.

Пожав плечами и ничего не ответив, Пётр Васильевич раскрыл портсигар и выудил из него очередную сигарету. Он курил почти беспрестанно, дымом отгоняя одолевавших комаров. Авдеич попыхивал махоркой и, не докурив одну самокрутку, загодя готовил другую. Под дружески он протягивал кисет и Игорю, но тот неизменно отказывался – курево он терпеть не мог, и от злых насекомых ему доставалось за троих.

Где-то около десяти как отрезало – поклёвка кончилась, и поплавки неподвижно замерли на стекловидной глади воды. Солнце поднималось всё выше и припекало всё сильнее. Игорь распахнул джинсовую куртку, приспустил её с плеч и потряс полами, обдувая себя. Под курткой тело облегал плотный шерстяной свитер, и от пота щекотало и грудь, и шею. С утра была холодрыга, и он оделся потеплее.

– Ну, жара, – прошептал он, с сожалением вспоминая недавнюю прохладу. Раздеться бы, но комары тучей вились над ним, облепляя лицо. Их не брали даже солнечные лучи. «Вот стервы, откуда их столько взялось!» – ругнулся про себя Игорь, обтирая лоб и щеки. Он снова запахнул куртку, потому что комары жалили и сквозь свитер.

Минутная стрелка обежала почти половину циферблата, а поплавок всё так же неподвижно стоял на месте.

К чёрту, с него хватит! Сложив телескопическую удочку, Игорь сунул её в рюкзак и направился к самоходной барже, покоившейся в сотне метров от них на заброшенной территории судоремзавода. Завод давным-давно закрыли, и баржа оставалась единственным напоминанием о том, чем здесь когда-то занимались.

Поднявшись по трапу на покрытую ржавчиной палубу, Игорь прошёл на корму, спустился в коридор и из него проник в небольшую низкопотолочную каюту, освещённую круглым иллюминатором.

Он не был здесь с тех пор, как уехал учиться в музыкальное училище. Каюту обжило новое поколение пацанов, и она показалась ему совершенно чужой. Задняя стенка до половины высоты была обклеена натащенными откуда-то, наверно украденными, толстыми листами пенопласта, и от этого каюта как бы ещё ужалась в размерах. В дальнем углу валялся сбившийся комьями старый матрац. Он подошёл и сел на него, чтобы пообвыкнуться и вызвать прошлые ощущения, когда он целыми днями лазил по барже, представляя себя то простым матросом, то капитаном быстроходного многопушечного морского парусника. Приходил он сюда и один, и с командой мальчишек с их улицы. Вместо штурвала они крутили погнутое, без шины и половины спиц велосипедное колесо. А пушкой была прилаженная к деревянной колоде труба. Из этого «орудия» они прямой наводкой «палили» по Тихой Заводи и открывавшейся за ней широкой полосе волжской воды.

Сверху донеслось поскрипывание шагов, звякнула какая-то щеколда, и в дверном проёме появился отец, а за ним и Цыган. Затем в каюте состоялся пустячный по содержанию разговор, на который ушло не более полутора минут. Этого времени, а также пристрастия Петра Васильевича к курению оказалось достаточно, чтобы все трое остались в живых.

* * *

Пётр Васильевич сказал, что пора идти домой, а Игорь ответил, что ещё успеют, что надо побыть немного в каютной прохладе, а не переться сразу по жаре. И стал зачем-то объяснять, почему здесь температура ниже, чем снаружи, – дескать, это потому, что баржа ещё не нагрелась от солнечных лучей.

Тогда Пётр Васильевич напомнил о том, что крупную рыбу надо нести на продажу, пока она свежая. Игорю это и так было хорошо известно. Отец был безработный, кормил семью тем, что браконьерничал – обычно он орудовал сетями, а то и острогой, – и улов, конечно, без промедления должен попасть на рынок. Но парню лень было вставать с матраца, и он предложил отцу посидеть и перекурить. И подвинулся, освобождая место рядом с собой. Беспечность сына вызвала у Петра Васильевича приступ лёгкого раздражения, и он уже хотел сказать, мол, ты как хочешь, а я пошёл, но напоминание о перекуре остановило его. Опустив на пол рюкзак с рыбой, он присел на матрац и привычно потянулся за сигаретами.

В этот момент откуда-то издалека до них докатился незнакомый глухой рокот. Бывает так – ворохнётся где-то и стихнет. Но этот рокот не стих, а ещё больше усилился. С каждой секундой он становился всё мощнее и ближе, как будто где-то, ещё неясно где, шла, валилась огромная тяжёлая волна.

С потолка посыпалась крошка, похожая на окалину, баржа вздрогнула, по ней словно пробежала судорога, задрезжал иллюминатор, и по всему корпусу закрипело, завизжало железо. Не рокот уже, а неистовый утробно-каменный стозевный рёв преисподней, сокрушая возможность мыслить и что-либо понимать, нёсся теперь со всех сторон: и из-под земли, и с неба, и как будто изнутри их самих. От этого рёва готовы были лопнуть барабанные перепонки, нестерпимые звуковые вибрации ранили мозг и каждую клеточку тела.

Не помня как, отец и сын оказались на ногах. Цыган заскулил и на брюхе пополз к Петру Васильевичу. Игорь шагнул к двери, но каюта вдруг стала проваливаться, уходить из-под ног,

её швырнуло в сторону, завертелась в бешеной карусели стены, померкло в иллюминаторе, как будто закатилось солнце и наступил вечер.

Не было сил вдохнуть, подступила тошнота, и Игоря чуть не вырвало. До него дошло, что он лежит на полу. Перед самым носом распластался Цыган. Это было последнее, что ему запомнилось. В тот же миг его подкинуло вверх и с силой ударило о стенку каюты. «Какой жёсткий пенопласт», – подумал он, и мир перестал для него существовать.

* * *

Что-то тёплое, влажное и шершавое прошло по щеке, носу и губам, на сколько-то мгновений исчезло и вновь прошло, ещё и ещё раз, по одной, по другой щеке, вновь по губам и носу и в конце концов заставило его открыть глаза. Но было темно, и он ничего не увидел. Поведя рукой, Игорь коснулся чего-то мягкого и лохматого. «Цыган», – шевельнулось в голове. Перевалившись со спины на бок, он обеими руками обнял собаку. Благодарный Цыган ещё раз облизал его.

Но почему так темно? Неужели наступила ночь? Долго же он провалился... Что это был за гул? И вообще – что произошло?

Преодолевая слабость, он поднялся на четвереньки. Тело мучительно ныло, как будто его испинали ногами. Он пошарил вокруг себя и наткнулся на чьи-то ботинки... Это отец. В кармане его телогрейки он нащупал коробок со спичками и зажёл одну из них. Тусклое оранжевое пламя осветило тесное замкнутое пространство и отца, уткнувшегося лицом в заднюю стенку каюты. Но почему-то стенка эта была не сбоку, где ей положено быть, а внизу, на месте пола, правда, не горизонтально, а несколько под углом. Пол же и потолок встали чуть ли не на попа и заняли место стенок. Как будто баржа поднялась носом на большую крутую волну да так и замерла в этом положении.

Ничего не понимая, не в состоянии сориентироваться, Игорь чиркал спичку за спичкой. Спыхватившись, он метнулся к отцу и осветил его. Пётр Васильевич лежал в луже крови, ещё сочившейся у него изо рта.

Игорь схватил его запястье – под пальцами слабо затокало ритмичное биение. Отец был жив. Игорь облегчённо вздохнул и вытер вспотевший лоб. Он перевернул отца на спину и положил под голову сложенный вдвое угол матраца. Зашипев, вспыхнула очередная спичка. Пётр Васильевич застонал, открыл глаза, и взгляд его остановился на сыне.

– Это ты... Слава богу, – еле шевеля губами, прохрипел он. Шея его дёрнулась под воздействием глотательного движения. Помогая себе руками, он принял более удобное положение.

Догорев, спичка обожгла пальцы и погасла.

– Что это было? – прохрипело в темноте. Пётр Васильевич спрашивал не столько сына, сколько самого себя. Но кто мог ответить на этот вопрос?

Игорь зажёл ещё одну спичку и поднёс пламя к иллюминатору. В стекле отразился слабый огонёк, а за ним он увидел своё искажённое лицо с выпученными испуганными глазами. За стеклом была какая-то сплошная глинистая масса.

– Что за чертовщина? – прошептал он. – Ничего не понимаю. Откуда всё это взялось?

– Что там еще? – спросил Пётр Васильевич.

– Не знаю. Глина какая-то.

– Как это – глина?

– Да вот – глина за иллюминатором.

– Намыло, что ли?

– Не знаю, – повторил Игорь.

– Дай-ка взгляну.

Кое-как поднявшись, Пётр Васильевич добрался до иллюминатора и при свете спички убедился, что слова сына соответствуют действительности.

– Не-по-нят-но! – в полнейшем недоумении произнёс он по слогам. – Глина, и такая твёрдая. Вон какие борозды на стекле проделала.

Они вернулись на матрац. Игорь сидел молча, а Пётр Васильевич, удивлённо хмыкая, продолжал бормотать себе под нос, задавая на разные лады одни и те же вопросы. Силы и двигательные способности постепенно возвращались и к тому и к другому. Наконец они почувствовали, что могут достаточно уверенно стоять на ногах. Надо выбираться наружу. Опрокинутый набок дверной проём находился теперь на уровне головы. Игорь помог отцу перевалиться через него в коридор, подал наверх Цыгана и вышел сам.

Коридор, как и пол в каюте, стоял дыбом и походил на колодец. Они спустились по нему до ступенек, которые должны были вывести их на палубу, и... при свете спички увидели, что выход закрыт тяжёлой каменной глыбой.

Сдвоив усилия, они упёрлись в неё, чтобы отвалить в сторону, но та не поддавалась и стояла не шелохнувшись. Сменив точку упора, они повторили попытку, за ней ещё одну; хрипы и стоны вырывались из их горл, перемежаясь с проклятиями, жилы готовы были лопнуть от напряжения, но всё было напрасно.

Было отчего прийти в отчаяние. Игорь присел на корточки, чтобы перевести дыхание и переждать вернувшуюся слабость. Мокрое от пота бельё липло к телу, и он поёжился, стараясь избавиться от неприятных прикосновений ткани.

Вот это да! Как попала сюда эта глыба? И откуда взялась глина за иллюминатором? Неужели они заживо похоронены и баржа стала для них могилой? Догадуются ли снаружи, что они попали в ловушку? Видел ли Авдеич, куда они пошли? Придут ли к ним на помощь? А если придут, то когда? Не умрут ли они к тому времени от голода или нехватки воздуха? Вспомнив про воздух, Игорь почувствовал, как у него сжимается в груди и становится нечем дышать.

Присев рядом с ним, Пётр Васильевич чиркнул спичкой, чтобы закурить, и Игорь встретился с его растерянным, безнадёжным взглядом. Ясно, отец успел причислить их к покойникам. Нет, так не годится, надо что-то делать. В закоулках памяти проявилось узкое длинное отверстие, которое должно было быть в передней стенке коридора. То ли ржа его проела, то ли ещё что. Сколько раз, играя с мальчишками, он сквозь него пролезал. Как это он про него сразу не вспомнил!? Но можно ли там пролезть взрослым людям?

Они поднялись до этого отверстия, и, ощутив его, Игорь отметил про себя, что за прошедшие годы оно ещё немного расширилось. Протиснуться сквозь его жёсткие загнутые створки было непросто, пришлось даже снять одежду, но в итоге они оказались по другую его сторону, в трюме баржи.

Радости их не было предела, когда высоко наверху, в передней части трюма, в том месте, где должен быть люк, они увидели рассеянный сумеречный свет. Они поползли по днищу трюма навстречу этому свету, цепляясь за всё, способное мало-мальски служить опорой.

Когда выкарабкались через люк, от ужаса волосы у них встали дыбом. Баржа вниз кормой ушла глубоко в землю, и снаружи торчал лишь её нос. А то, что представилось им возле баржи и дальше, куда проникал взгляд, могло только присниться в страшном, кошмарном сне. Всё пространство было задымлено пыльной грязно-серой мглой, везде курился незнакомый изуродованный пейзаж. Там и сям возвышались нагромождения каких-то гряд и скал, чередовавшиеся с глубокими впадинами и разломами, но не было ни Волги, ни лазурного зеркала Тихой Заводи, в которой они всё утро ловили рыбу, ни зелёного берега, ни Авдеича с его добродушной улыбкой и неизменной самокруткой в уголке рта.

– О госпо!.. – воскликнул Пётр Васильевич, но, не договорив, поперхнулся и зашёлся в безудержном кашле. Ветер, до того незаметный, обрушился вдруг ударной волной, согнул

людей, сжал их в комок, стараясь смести с бортика люка, на котором они держались. Вой урагана перекрыл всё ещё напоминавшие о себе раскаты грозного подземного гула. Низкие рас-терзанные тучи стремительно проносились над самыми верхушками скал.

– Что случилось? Куда мы попали? Что это такое?! – справившись с кашлем, закричал Пётр Васильевич. Из груди его готовы были вырваться рыдания.

– Наверно, это война, атомная бомба упала! – пересиливая вой ветра, крикнул Игорь.

– Какая война, ты что, спятил?! Кому придёт в голову бомбить наш Тихомиров?

– Что же тогда, если не война?

– Не знаю, ничего не знаю.

– А я думаю – война.

– Нет, нет, не может быть!

А над сумрачным ландшафтом бешено мчались и крутились серые лохматые вихри. Становилось всё темнее, и вскоре уже в нескольких шагах невозможно было ничего различить. На зубах скрипело, секло кожу лица, то и дело запорошивало глаза, трудно было дышать. Это была пыль. Откуда её столько?

Темно, как поздним вечером. Сколько сейчас времени? На разбитых часах стрелки застыли на 10.30. Столько они показывали утром перед тем, как стало трясти.

А что происходит в городе? Игорь с возрастающей тревогой подумал о матери и об Аньке.

Словно читая его мысли, Пётр Васильевич сказал, что надо идти домой, посмотреть, не случилось ли чего. Но только хотели они спуститься на землю, как разразилась страшная гроза. Похожие на огненных драконов молнии разодрали небо и скопом и поодиночке стали бить в землю. Тучи загорелись зловещим чёрным огнем, и казалось уже, что не сухой треск грома бьёт по ушам и расплющивает сознание, а расщепляется сама материя, из которой состоит Вселенная. Сверху обрушился не ливень, а водяная бездна, в которой можно было захлебнуться.

Не в силах противостоять стихии, Пётр Васильевич и Игорь вернулись в трюм баржи и закрыли за собой люк.

* * *

Гроза неистовствовала всю ночь. Только под утро удары грома стали стихать и отда-ляться, и хотя ливень всё ещё продолжался, струи воды, падавшие с небес, представлялись уже не такими устрашающими, как накануне вечером.

Отец с сыном покинули баржу и вместе с тащившимся за ними Цыганом тронулись в сто-рону города.

Им надо было подняться на гору, однако горы всё не было, а было чёрт знает что, непре-рывно спускавшееся под уклон. Они не могли разобраться в том, что подсовывал им изме-нившийся рельеф местности, и старались только держать общее направление на свой дом. Они затвердили себе, что он должен быть на горе, надо только подойти туда, где начинается подъём, пройти по нему вдоль оврага и выйти на улицу Набережная, где они проживали.

Но не было ни подъёма, ни домов. На том месте, где ещё вчера стоял город, шумело озеро; черная мутная вода его, вспарываемая косым ливнем, кипела, и ветер гнал по ней волну за волной.

Они долго метались по берегу, призывая своих близких. Обратив морду к озеру, Цыган вторил им, завывая страшным, душераздирающим воем. Никто не откликнулся. Тогда они решили обогнуть озеро, чтобы выйти к городу с другой стороны, да только берег всё тянулся и тянулся, уводя куда-то вдаль.

Было холодно, как глубокой осенью, и отец с сыном еле волочили ноги от усталости. Ливень отнимал последнее тепло, и под его ледяными струями невозможно было больше оста-

ваться. Они пошли к барже, так как другого убежища у них не было. Пройдя некоторое расстояние, они, однако, поняли, что сбились с пути. Пришлось вновь спускаться к озеру.

Пётр Васильевич находился в каком-то оцепенении и вяло реагировал на происходящее. Игорь вынужден был брать его за руку, чтобы вести за собой. Он стал вспоминать особенности утреннего рельефа, когда они искали свой дом, вспомнил кое-что, и это помогло им выйти к их спасительному ковчегу.

Оказавшись у баржи, Пётр Васильевич сел прямо на землю и обхватил голову руками.

– Боже мой, ну зачем, зачем я пошёл с тобой на эту проклятую рыбалку! – раскачиваясь и стеная, запричитал он. – Лучше было бы погибнуть вместе со всеми.

– Может, и лучше, – сказал Игорь. – Только что бы тогда я делал один?

– Слушай, так нас наверно смерчем унесло вместе с баржей! – сказал вдруг, встрепенувшись, Пётр Васильевич. – Тихомиров же стоит себе целёхонький, все наши посиживают дома и не могут понять, куда мы подевались.

– Нет, пап, не надо обманывать себя. Ты же видел на озере остатки крыш и брёвна от домов. Наш город где-то под ним, под водой.

– А если и брёвна перенесло в озеро тем же смерчем?

– Нет, пап, никуда их не перенесло. Так же, как не перенесло и стены судоремзавода. Ты помнишь на фасаде мехцеха, над воротами, кирпичами, белым по красному была выложена дата его постройки? Во-он она виднеется, только фасад с воротами и остался.

От холода у Игоря стучали зубы.

– Всё, пап, я замерзаю, полезли в баржу.

– В баржу? Зачем мучиться, сынок? Лучше остаться здесь и умереть.

– Перестань, пап! Мы же ничего не знаем. Может, наши-то и живы ещё. Спрятались где-нибудь и так же вот, как мы... А ты – умереть.

Подсадив Цыгана, они поднялись к люку, спустились через него в трюм баржи и пробрались в крошечный мрак каюты. Под руки попал рюкзак с удочками и вчерашним уловом. Вторые сутки без еды давали себя знать мучительными желудочными спазмами. Они подтащили рюкзак к выходу из трюма и при свете, падавшем сверху, стали есть сырую рыбу, ещё не успевшую протухнуть. Цыгану достались бычки, ерши и сорожки, а также кости, головы и хвосты. На большее он и не претендовал.

Утолив голод, они оставили рыбу у выхода, где было заметно холоднее, и вновь спустились в каюту. Расстелили матрац и улеглись на нём, обложившись оторвавшимися от переборки листами пенопласта и водрузив на себя Цыгана. Горячее тело собаки и тесные объятия позволили им согреться, и они быстро уснули, несмотря на весь ужас своего положения.

* * *

Дождь лил и лил, и к следующему утру так похолодало, что изо рта стал валить пар. Несчастных тихомировцев бил озноб, и они поняли, что без огня им придёт скорый конец.

Спички, которые Пётр Васильевич вчера, перед тем как идти под ливень, машинально переложил в портсигар, всё же отсырели и большей частью не годились к употреблению. Лишь на трёх из них головки сохранились, и Игорь подумал, что после хорошей просушки... Только где их просушить?

Взгляд его остановился на длинной лоснящейся шерсти Цыгана. Мокрёшенький вчера, сегодня он выглядел так, словно и не был под дождём. У собак потовые железы отсутствуют, и кожа у них всегда сухая. Цыган – вот кто должен помочь. Вместе со спичками он заправил в шерсть собаки коричневую фосфорную пластинку от короба и прижал то и другое к её телу. Прошёл час или больше, прежде чем спички приобрели первоначальный вид.

Вслед за этим Игорь собрал всё дерево, все веточки и сучки, попавшие в трюм баржи за годы её последней стоянки, и сложил шалашиком у переборки, за которой находились каюта и машинное отделение. Здесь, на стыке между переборкой и днищем трюма, скопилось столько песка и разного крошева, что образовалась небольшая площадка. Разровняв всё, он увеличил её размеры, после чего на ней свободно можно было разместиться втроём, считая собаку.

Затем он проник в машинное отделение и, прощупывая сантиметр за сантиметром, нашёл обрывок промасленной ветоши. Растеребив её на нитки, он подсунил их внутрь шалашика и прикрыл сверху тончайшей стружкой, которую настрогол сохранившимся складным ножом.

Закончив приготовления, Игорь провёл спичкой по фосфорной пластинке, и... головка её раскрошилась. Тогда он подозвал Цыгана, и манипуляции с просушкой повторились.

Пока Игорь пытался добыть огонь, Пётр Васильевич сидел на корточках у переборки, подперев голову руками, и безучастно смотрел перед собой отсутствующим взглядом. Ему хотелось только собственной смерти.

Между тем Игорь извлёк из шерсти собаки вторую спичку и занес её над пластинкой. Он действовал так осторожно, как только мог, но его вновь постигла неудача. Головка третьей спички зашипела, задымилась, показался тлеющий огонек. Но он погас, не будучи в силах одолеть даже остатки головочной серы.

Всё, спички кончились. Игорь поднёс пальцы ко рту, чтобы согреть их дыханием. От холода мозжили кости и в жилах останавливалась кровь. ещё одна ночь, и они так задубеют... О каюте, об отсыревшем матрасе не хотелось и думать. Ему вспомнился дом, светлая горница, уютная тёплая кухня. Кухня... А на подоконнике лежала зажигалка! Он ещё подал её отцу, перед тем как идти на рыбалку. Где она?

– Пап, очнись! – затормошил он отца. – Я тебе привёз зажигалку. Куда ты её дел? Вспомни!

Пётр Васильевич встал, чтобы проверить карманы, но зажигалки нигде не оказалось. Не было её и в рюкзаке. Всё, пропала. Но где отец мог её потерять? По дороге к озеру или где-то на берегу? А если в каюте?

Игорь полез в дыру, соединявшую трюм с коридором, и спустя четверть часа возвратился обратно с зажатой в кулаке зажигалкой.

Прозрачный голубенький баллончик её почти доверху был наполнен горючей жидкостью. Игорь крутанул колёсико, и над фитильком появился тонкий оранжевый язычок. Вспыхнула промасленная ветошь, за ней стружка, огонь пробился из-под веток наружу, быстро охватил весь шалаш, и Игорь понял, что через несколько минут от костра останутся одни угольки.

В его распоряжении имелось ещё несколько сухих веток и обломок какой-то доски. Всё тут же пошло в костёр. Но надолго ли этого могло хватить! О том, чтобы запастись больше топлива, он и не подумал.

Вспомнив про тополя возле заводских корпусов, Игорь выбрался из баржи и побежал к видневшемуся за серой мутью дождя остатку мехцеховской стены. Рядом с грудой кирпича валялось пять или шесть крупных сучьев и толстый деревянный брус, какое-то подобие потолочной балки, промазученной и вдребезги разбитой по всей длине. Подобрал и то и другое, Игорь взгромоздил всё это на себя и – откуда силы взялись! – поволок к барже.

Слава богу, костёр ещё не прогорел, и Игорь стал подкладывать в него наиболее подходящее из того, что принёс. Намокшие сучья шипели и не хотели заниматься, зато обломки, в которые он превратил балку, вспыхнули жарким коптящим пламенем, и в нём стало сохнуть и гореть и всё остальное.

Раз за разом уходил он на поиски и к середине дня натаскал целую гору дров: сучья тополя, обломки разных досок и брусьев. Все это Игорь спустил в трюм и полукругом разложил возле костра для просушки.

Постоянное движение и тепло, которым стал наполняться трюм баржи, разогрели его, и он почувствовал себя способным к дальнейшим действиям. Наказав отцу поддерживать огонь, он выбрался наружу и, взяв с собой Цыгана, пустился туда, где плескалось озеро. Надежда, что мать и сестра живы, гнала его вперед.

Несколько часов провёл он у чёрной воды, насыщенной почвенным гумусом. Озеро тянулось с севера на юг. Он пошёл на север и, огибая завалы из скал и камней, прошёл километра четыре. Город давно уже должен был остаться за спиной, а озеру всё не было конца. И никаких признаков присутствия человека – ни живого, ни мертвого. Тогда, вернувшись к первоначальной точке, он пошёл в противоположном направлении, тоже углубившись в него километра на четыре или пять. Но нет – всё та же вода и всё те же волны. Как и вчера, Цыган испуганно поглядывал в сторону озера и, поджав хвост и поскуливая, жался к ногам Игоря. «Чует, что там смерть», – подумал он, наблюдая за поведением пса.

В баржу он спустился до крайности усталый и страшно голодный. Однако рыба в рюкзаке уже испортилась, и есть её было опасно. «Надо было выставить рюкзак наружу, там холоднее, – запоздало спохватился Игорь, ругая себя. – Не догадался, растяпа! Как же теперь быть? А что если...»

Ещё раз наказав отцу поддерживать огонь, Игорь вместе с Цыганом выбрался из баржи и повернул к бывшему руслу реки. Посторонний человек никак не догадался бы, что вот только что, позавчера, несла здесь свои воды могучая Волга. Петляя между каменными торосами, он медленно перемещался по илистому дну, местами утопая по колено. Цыган же проваливался по брюхо.

На свою первую находку он чуть не наступил, потому что из чёрной жижи торчал лишь самый кончик рыбьего хвоста. Потянув за него, Игорь вытащил довольно крупного, широкого, как лопата, сазана. Струи дождя быстро смыли с него грязь, и сазан засверкал во всём золотом блеске. Добыча была немедленно препровождена в рюкзак. Предположение Игоря оказалось правильным – рыбу можно было собирать руками; первая находка добавила стимула к продолжению задуманного начинания.

Пройдя с километр, он подобрал несколько чехоней, двух судаков, линя, язя, щуку и налима. Половину рюкзака заняли крупные, один к одному, окуни. Бычков, плотву и прочую мелочь пожирал Цыган. От недавнего его испуга не осталось и следа. Набив брюхо, он тяжело переваливался за молодым хозяином и, по всему было видно, был вполне доволен своим нынешним положением.

Возвращаясь назад, Игорь уклонился от прежнего пути и набрёл на огромного двухметрового сома. Никогда ещё не доводилось ему видеть такой крупной рыбы. «Ну и ну, – думал он, вновь и вновь окидывая взглядом толстую тушу, покрытую слизью, – килограммов семьдесят будет, не меньше».

Доставив к барже рюкзак, он, оскальзываясь, трусцой припустил к месту, где лежал сом. Большого труда стоило взвалить его на спину и ещё большего – нести, шагая по неверному, плывущему под ногами бездорожью. Но что значат физические муки перед неодолимым желанием досыта наестся?

Продолжало холодать. Температура воздуха была уже где-то возле нуля, и Игорь надеялся, что ещё сколько-то времени рыба будет оставаться свежей.

На ужин он запёк в золе обоих судаков и щуку, поел сам и упросил поесть отца. После еды Пётр Васильевич просушил одну из двух оставшихся у него сигарет, глубоко затягиваясь, выкурил её, и его лицо приняло более осмысленное выражение.

Спали всё на том же матрасе, постелив его возле костра. Огонь по очереди поддерживали в течение всей ночи.

* * *

Как только забрезжило, Игорь возобновил поиски топлива. Миновав развалины мех-цека, он пошёл дальше, к берёзовой роще, спустился со знакомого сохранившегося косогора, но вышел не к роще, а к сплошному лесоповалу. Переломанные берёзы, вырванные с корнем, словно солдаты на поле битвы, лежали грудками и вразброс. Но переживать по этому поводу было некогда, надо было работать, да и брать такое дерево было легче. Весь день он подтаскивал к барже обломки, которые были ему по силам, и к вечеру дров стало столько, что их хватило бы на неделю.

Среди развалин заводских корпусов он подобрал старое погнутое оцинкованное ведро из-под мазута. Ведро он выпрямил, мазут выжег на костре, образовавшийся нагар отчистил песком.

И вот забулькало, запенилось варево в так кстати появившемся котле, из которого выглядывали крупно нарезанные куски сома. Трюм баржи наполнился ароматом, какой, наверное, бывал далеко не в каждом корабельном камбузе. Жира на соме было на два пальца, и более наваристой ухи Игорь никогда прежде не пробовал. Плохо было только то, что уха была несолёная.

Ложек у них не было, поэтому, съев рыбу, они пили горячий бульон прямо из ведра. Наелись до отвала. Цыган лежал, свернувшись клубком. Проснувшись, он клал голову на лапы и подолгу шурился на огонь. Иногда он зевал, широко распахивая пасть и издавая громкие воющие звуки, от которых свербилло в ушах.

Дым от костра копился под палубным настилом и уходил вверх, вытягиваясь через отверстие люка. В нижней же части трюма, над площадкой, где они обосновались, воздух оставался чистым.

Обильная горячая еда и ночной сон в тепле костра, кажется, окончательно восстановили силы Игоря. Когда в отверстии люка посветлело, он закусил рыбой, оставшейся от ужина, и выбрался под открытое небо. Какой-то внутренний голос заставлял его продолжать поиски еды.

Он вспомнил про элеватор, что стоял наискосок от Тихой Заводы на той, левой стороне Волги. В нём хранились тысячи тонн зерна, продовольственного и семенного: пшеница, ячмень, просо – Игорь видел однажды их тяжёлые увалы. Он задумал проверить, не осталось ли там чего, чем можно поживиться.

Условившись с отцом, чтобы тот в его отсутствие приготовил обед, Игорь позвал Цыгана и пустился в опасное путешествие.

Вчера, возвращаясь из берёзовой рощи с плахой на плече, он провалился во вдруг открывшуюся расщелину. Плаха легла поперёк расщелины, и он повис на ней. Кое-как выбравшись наверх, он подыскал достаточно прочный шест подходящей длины и с этого момента не ступал без него ни шагу. Вот и сейчас он держал его наготове, по мере надобности прощупывая им надёжность почвы.

За ночь, кажется, ещё похолодало. Шёл дождь со снегом. Грязно-серый дождь и грязно-серый снег. Мир лишился прежних голубых и зелёных красок. Кругом одна тёмная серая пустыня. И ни одного живого существа.

Но нет, не всё умерло. Вон недалеке поднялась и опустилась на какую-то пададь небольшая стая ворон. Он подошёл ближе. В блестящей от воды жирной глине застыло обезображенное туловище собаки. Чёрная спина, рыжая грудь. Овчарка, кажется.

Молча приблизился и пронёсся мимо куций косяк журавлей. На юг подались... И это в середине июня! Он подумал о птенцах. Бросили они их, что ли? Вот дают! Но, может, и птенцов-то уже нет? Тяжело вздохнув, Игорь сокрушённо покачал головой. Где он, этот элеватор?

Осталось ли что от него? До землетрясения Заволжье являло собой одну сплошную равнину, перемежавшуюся лесополосами. Теперь здесь словно поднялись и застыли гигантские земляные волны. Одна за другой шли они, полого поднимаясь с запада на восток и всякий раз оканчиваясь крутым головокружительным обрывом.

От баржи до гребня одной из таких волн было рукой подать. Затем земля на сотню с лишним метров уходила вниз. Не то что спускаться – смотреть с такой высоты и то было страшно. Но удача повернулась к Игорю лицом. Он нашёл какую-то осыпь, где было не так круто, были выступы, на которых можно было перевести дух и сползти затем до следующей зацепки. Цыгана трясло от страха, но он не отставал; на самых опасных местах Игорь придерживал его рукой.

У подножия обрыва шумела, билась в утёсах бурная речушка, мутные воды которой бежали в направлении, противоположном течению Волги.

Перебираясь по камням, торчащим из воды, Игорь заметил в стороне от стремнины, на отмели, метнувшуюся от него стайку мальков. Шустрые, быстро освоились они на новом месте.

«И я шустрый, – подумал о себе Игорь. – Целый город погиб; другой от всего этого пошёл бы и удавился, а я уже промышляю насчёт чего бы поесть».

Осмотрев перед спуском с обрыва раскинувшийся перед ним ландшафт, Игорь прикинул, где должен находиться элеватор, и двигался теперь, придерживаясь выбранного направления. Километра через три он увидел скрученный кусок рельса и понял, что находится на верном пути: здесь должна была пролегать подведённая к элеватору железнодорожная ветка.

Неподалеку от первого рельса торчал ещё один. Стараясь не сворачивать, он добрался до края следующего обрыва, пошёл вдоль него и вскоре увидел груды искорёженных бетонных плит. Это было всё, что осталось от одной из башен элеватора. Большинство же сооружений ушло под обрыв, где, очевидно, их и поглотила земная твердь.

Из-под развалин башни проглядывали вороха пшеницы и подсолнечника. Они были перемешаны с землей и битым щебнем и сверху уже стали прорастать. И все же значение находки трудно было переоценить. Это была еда, много еды, которая могла обеспечить их существование.

* * *

Сняв верхний, войлоком проросший слой, Игорь по самую завязку наполнил рюкзак пшеницей. Всё, дело сделано, можно и в обратный путь.

Тем временем дождь сменился снегопадом, который становился всё сильнее и сильнее. Только устроил Игорь рюкзак на спине, повалили такие густые и крупные хлопья, каких он никогда не видывал; уже в нескольких шагах ничего невозможно было различить. Под ногами моментально захрустело, и образовался лёгкий пушистый тёмно-серый наст.

Они следовали один за другим. Цыган держался впереди, и цепочка оставленных им следов действовала успокаивающе. Мысли, что можно заблудиться, поначалу вовсе не беспокоили Игоря. Как он считал, надо только держаться по ветру и тогда обязательно упрёшься в крутой бок горы, а там недалеко и до их убежища. Да и собака с её нюхом что-то да значила.

Но всё получилось по-другому. К обрыву они вышли не туда, где спускались утром, а совсем в другом месте. Игорь пошёл в одну сторону, в другую, но тщетно – под покровом снега скалы изменили свой вид, и он не смог узнать осыпь, на которую так надеялся.

Снегопад полностью закрыл не только верх, но и срединную часть обрыва, и он полез наугад, в надежде по мере подъёма отыскать какой-нибудь проход. Однако, попав на отвесную стену, они вынуждены были вернуться в исходное положение.

Только с четвёртой попытки им удалось выбраться наверх. Послав Цыгана вперёд, Игорь опять потащился по его следам. Цыган, однако, тоже не знал дороги и то и дело оглядывался на своего спутника, словно спрашивая: куда идти дальше? А кто его знает куда? Снег повалил так, что у пса, шествовавшего в двух шагах, не было видно ушей.

Они шли, пока не достигли тёмной воды озера. Тогда они повернули обратно и пошли под углом к оставшейся справа цепочке следов. Цепочку эту быстро заносило снегом, и едва они сделали несколько шагов, она исчезла, словно её не было вовсе.

Всё заметнее давала себя знать усталость. Сказывалось пережитое последних дней. Тело словно наливалось свинцом. Игорь споткнулся и упал. Поднялся, пошёл и снова упал. У него заоченели и руки, и ноги. Подмораживать стало, когда они были ещё на элеваторе. Рюкзак всё сильнее давил на спину, и появилось желание отцепить лямки и пойти налегке. Но этого нельзя было делать, потому что содержимое рюкзака давало дополнительный шанс на выживание. Где он выпустил из рук шест, Игорь не помнил. Упав ещё раз, он остался лежать с намерением восстановить силы. Но тело только и ждало этого, чтобы выйти из-под контроля, и когда наступил решительный момент и он собрался наконец подняться, оно отказалось ему подчиниться.

«Ну и пусть, – подумал он. – Город погиб, а мы уцелели. А какое у нас на это право, чем мы лучше других? Умереть было бы даже хорошо. Тогда можно было бы оказаться заодно и с Анькой, и с матерью, и с Авдеичем, и со всеми друзьями и знакомыми. Как замечательно встретиться с ними в другом измерении».

От этих мыслей душа его занялась дотоле незнакомым ему неземным блаженством, и он с наслаждением поддавался его благотворному, исцеляющему воздействию.

Но вдруг отвратительная реальность холодным шилом пронзила мозг: ладно, он, Игорь, умрет. А что станет с отцом? Каково ему будет одному посреди этого ледяного безумия?

Заскулив, Цыган в нетерпении подsunул к нему морду и лизнул в нос и губы. Вот кто его настоящий друг. Принудив себя улыбнуться, Игорь упёрся ладонями в снег, невероятным усилием воли привёл тело в движение и поднялся на четвереньки. Потом он распрямился и встал на колени. Цыган вновь облизал его, а он, обняв пса, запустил кисти рук в его длинную тёплую шерсть. Прошло время, пальцы заломило, и он смог ими пошевелить. Ещё минуту побыть вот так, в обнимку с Цыганом. Ещё одну. Ещё... Нет, хватит, не то они так и останутся на снегу.

Игорь приказал себе подняться с колен и сделать хотя бы шаг. Пошатываясь, он выполнил свою собственную команду и сделал второй шаг. Тело вновь подчинялось ему, надо только двигаться чуточку быстрее. Ног он не чувствовал, но надеялся, что если будет идти достаточно быстро, то с ногами всё обойдется.

К озеру они шли под уклон, сейчас же тянулся подъём. Рано или поздно они подойдут к обрыву. Если, конечно, прежде не отыщут свою спасительную баржу.

Первым к обрыву приблизился Цыган. Он остановился, залаял в пространство, закрытое снегопадом, оглянулся на Игоря, завилял хвостом и снова залаял. Все, дескать, пришли, поворачиваем оглобли.

Повернули обратно, взяв на этот раз немного правее, и вновь вышли всё к тем же тёмным водам озера, под которыми покоилась братская могила Тихомирова.

Сделав очередной зигзаг, Игорь, как заведённый, пошёл прочь от воды. Ветер, только что подталкивавший в спину, стал бить в лицо, и он отворачивался и щурил глаза, спасая их от хлопьев снега, летевших навстречу и ранивших роговицу. Ветер усиливался, поднималась настоящая буря.

Они прочесали довольно значительную территорию и должны бы уже наткнуться на баржу. Если только она не осталась за пределами района поиска. Игорь потерял счёт времени, сместилось восприятие пространства, и ему казалось уже, что всё происходящее с ним – это результат его воображения. Чтобы прекратить мучения, надо лишь лечь на серый рыхлый снежок и забыться во сне.

Вид открывшегося озера стал само собой разумеющимся. Только вода в сгущающихся сумерках насытилась каким-то особенным, неестественно чёрным цветом. Он забыл, почему она такая чёрная. А, это из-за чернозёма, на котором стоял город, и цвет этот дали взбаломученные волнами частицы гумуса. Эх, город, был ли он вообще когда-нибудь на белом свете?!

Игорь недоумённо огляделся, приходя в себя. Странно получается: вроде бы они с Цыганом шли к обрыву, а попали... Или они просто сделали круг? Но где тогда баржа? Не прошли ли они мимо неё? А если так, то куда теперь идти и где её искать? Не лучше ли было с самого начала двигаться не поперёк, а вдоль русла реки? Но где оно, это русло, как его различить в такой метели?

Игорь пошёл навстречу снегопаду, только чтобы идти, а не стоять. В ходе поисков они перемещались влево по отношению к озеру. Теперь надо принять вправо. Внезапно Цыган возбуждённо залаял, завизжал, метнувшись в снегопад, исчез из виду, вернулся к Игорю и снова исчез. Игорь повернул на его лай. Через какое-то время за снежными вихрями завиднелся высокий тёмный силуэт, и Игорь узнал в нём отца. Пётр Васильевич бежал ему навстречу, подбежал, обхватил, прижал к груди.

– Ты пришёл! – воскликнул он плачущим голосом. – О счастье, ты пришёл, пришёл! – отстранив сына, он взглянул на него, словно проверяя – всё ли с ним в порядке, и снова прижал к себе. Наконец, прервав объятия, он освободил его от рюкзака и, поддерживая и подсказывая, куда ступать, повёл к барже.

У костра он долго растирал ему руки и ноги и поил горячим рыбьим бульоном.

– Тебе бы сейчас сто пятьдесят водки, – сказал он, подавая Игорю лучший кусок сома, – был бы совсем другой коленкор.

– Я же не пью.

– Не для пьянства, а для лекарства, – Пётр Васильевич закурил последнюю остававшуюся у него сигарету и с наслаждением выпустил струю дыма. – Гулять, так гулять! – сказал он, привлекая внимание сына к тому, что он курит. – Ах, Цыган, чудесный ты парень! На-ка, скушай ещё. – Пётр Васильевич протянул собаке кусок сома, ничуть не меньше того, который был у Игоря. – Ешь, дружок ты мой ненаглядный. У нас вон сколько всего! А какое чудесное зерно! Как ты, Игорь, столько доволок? Да в гору, по обрыву! Завтра мы из него такую кашу сварим!

* * *

До конца июня Игорь только и делал, что ходил на элеватор за пшеницей и подсолнечником. Погода благоприятствовала этому – снегопад прекратился, и было видно довольно далеко вокруг. Мороз, однако, усилился и пощипывал уши, постоянно напоминая о себе.

Пётр Васильевич поменялся с сыном одеждой и обувью. Себе взял его джинсовую куртку и кроссовки – чтобы находиться вблизи баржи такой одежды и обуви было достаточно, а ему отдал телогрейку, кепку и старые, но крепкие ещё ботинки с повытертым мехом. В свитере и телогрейке не страшен был и двадцатиградусный мороз, и Игорь совершал одну экспедицию за другой.

В эти дни произошло событие, которое помогло им воспрянуть духом и придать мыслям новую направленность.

Как-то, завтракая, они услышали жалобное мычание. Оставив еду, они выбрались наружу и... увидели около баржи корову, большую, тощую, с выступавшими под кожей рёбрами. Корова позволила им подойти к себе, а когда они поманили её, послушно пошла за ними.

Игорь вынес ей пригоршню пшеницы. Она разом слизнула зерно широким шершавым языком и протяжно замычала, спрашивая еще.

Появление коровы было весточкой из потерянного мира, в котором они совсем недавно жили. Они с нежностью разглядывали её, и слезы неудержимо бежали из их глаз.

К великому сожалению, кормить её было нечем, а сами они нуждались в дополнительном пропитании.

Переговорив с сыном, Пётр Васильевич взял нож, обнял корову за шею, погладил по морде и резким движением вонзил острие лезвия между рогами, в то место, где у крупнокопытных находится важный нервный узел. У коровы словно выбили почву из-под ног; она упала на снег, и в тот же миг Пётр Васильевич перерезал ей горло.

Игорь помог отцу снять шкуру и вновь отправился к элеватору. До конца дня он успел сделать две ходки.

За ужином они ели варёное мясо и говорили о том, что если выжила корова, то должны выжить и люди. Но как с ними встретиться? Надолго оставить баржу они не могли потому, что для такой холодной погоды были слишком легко одеты. Кроме того, в изменившейся до неузнаваемости холмистой местности можно было легко заблудиться. Здесь у них запасы топлива и продуктов питания, с которыми можно продержаться не один месяц. За пределами же своего логова они быстро погибнут.

Надо ждать, не может быть, чтобы их не нашли. Должен же кто-то озаботиться судьбой целого города, хоть и небольшого.

Надежда, что к ним придут на помощь, не покидала их всё лето. Каждый день, то один то другой, поднимались они на самую высокую точку на носу баржи и подолгу вглядывались в прилегающие холмы. Они беспокоились, как бы не пропустить снаряжённую к ним экспедицию. Там, на юге, находился миллионный Саратов и должны быть средства для их спасения.

Но никто так и не появился. В конце концов они пообещали себе, что сами когда-нибудь отправятся на поиски людей. Лишь бы этому благоприятствовали погодные условия.

Изо дня в день пополняли они свои запасы. Случай, когда Игорь заблудился в снегопаде и едва не погиб, так подействовал на Петра Васильевича, что апатию его как рукой сняло и он стал трудиться, предаваясь отдыху лишь во время ночного сна.

В развалинах завода он отыскал длинный стальной прут и, нагревая его на костре и постукивая по нему найденным в машинном отделении обрезком стального же кругляка, отковал две клюки с острием на одном конце и загибом на другом, за который их удобно было держать. Клюкой хорошо было отковыривать смёрзшееся зерно, и запасы его в барже неуклонно возрастали.

Однажды вечером, отужинав, Игорь прилёг на матрац и шутки ради сказал, что на нём тепло, как на печке.

– Да, печка – это здорово, – сказал Пётр Васильевич, глядя на сына и о чём-то размышляя.

На другой день он взялся складывать отопительное сооружение. Натаскал из заводских развалин красного кирпича, орудуя клюкой, добыл песок и глину и за считанные дни сложил нечто с просторным зевом и длинным широким боровом и трубой. Тяга была какая надо, и дрова с треском и шумом пылали в жерле необычной, непривычной глазу печи. Дым через трубу уходил под палубный настил, служивший им крышей, и, как и от костра, поднимаясь выше, улетучивался через постоянно открытый люк в носу баржи.

Из кирпичей Пётр Васильевич сложил также стенку между печкой и остальной частью трюма, подняв её до потолка. Печную трубу вывел на внешнюю сторону стенки. Вместо двери был оставлен проём с порогом высотой сантиметров семьдесят. Последний был предназначен для того, чтобы уменьшить поступление холодного воздуха. Получилась настоящая комната, теплая и сухая.

Слепив из глины несколько мисок, Пётр Васильевич просушил их и обжёг на огне. Миски обрели достаточную твёрдость и вполне годились для пользования. Затем он выстругал ножом деревянные ложки – не менее корявые, чем миски. Но это не имело ровно никакого значения – главное, что с ложками и мисками они стали чувствовать себя за едой по-человечески.

Вслед за этим Пётр Васильевич изготовил плоску, наполнил её рыбьим жиром, надёргал из матраца ваты, скрутил фитиль, и вдобавок к печному зареву у них появилось ещё одно освещение.

Коровью шкуру он выделал, раскроил и сшил из неё куртку, штаны, шапку с ушами, две пары рукавиц и сапожки с двойной подошвой. Вместо ниток были использованы тонкие сыромятные ремешки из той же коровьей шкуры и рыболовная леска, а шило заменили рёберные рыбы кости, которые имелись у них в изобилии.

Он перетаскал к барже все обломки стволов из берёзовой рощи, собрал всю рыбу, которую вместе с Цыганом отыскал под снегом в русле Волги, в том числе пятнадцать сомов, шесть осетров и до сотни налимов, судаков, щук и сазанов. В первые после землетрясения дни, когда ещё не установились морозы, рыба эта успела тронуться и слегка припахивала. Но деваться было некуда, и они ели и ее.

Оставаясь к ним благосклонной, судьба обеспечила их и свежемороженой рыбой. Произошло это следующим образом. Обычно Пётр Васильевич промышлял напротив Тихой Заводы и ниже по течению реки. На этот раз он пошёл вверх по руслу и прошёл уже километра полтора, как вдруг под ногами захрустел и стал проламываться припорошенный снегом тонкий ледок. Это была закраина небольшого, полностью вымерзшего озера. Несколько шагов, и лёд стал толще, по нему уже можно было идти без опаски. Сам не зная почему, подчиняясь какому-то наитию, Пётр Васильевич опустился на четвереньки, расчистил снег рукавичкой, приник лицом ко льду, вглядываясь в него, и прямо под собой увидел как бы уставившуюся на него налимом морду. В центре озера подо льдом осталась скопившаяся в нём рыба.

Пётр Васильевич сообщил о находке Игорю, и в тот же день, пробивая лед клюкой, они добыли сома, двух осетров и штук тридцать судаков. В «улов» попало также по несколько налимов, щук, язей, бёршей, сазанов и жерехов. На другой день они добыли килограммов пятьдесят окуней и густеры. В последний заход разглядели и вытащили из-под льда большого толстолобика, своей толстой упитанной тушей похожего на поросенка.

Все это была хорошо сохранившаяся рыба, они приберегали её и обычно ели не чаще одного раза в неделю.

Пётр Васильевич завёл календарь, делая насечки на берёзовом шесте, специально для этого приспособленном.

– Не хуже, чем у Робинзона, – сказал он, демонстрируя своё творение сыну. – Смотри, наступила середина июля, а морозы не ослабевают, градусов десять-двенадцать держатся, и ни одного потепления. А что будет зимой, а?

Мысли о зиме тревожили и Игоря. Если летом достаточно было надеть телогрейку да к ней шапку и рукавицы из коровьей шкуры, то зимой, судя по всему, в такой одежде больно-то не побегаешь. И тогда о пополнении запасов продовольствия придётся забыть. И он снова и снова отправлялся к элеватору за зерном.

Продовольствие они разместили в носовой части трюма, возле люка, на остатках какой-то перегородки, которая ребром выступала из днища и бортов баржи, наполовину перекрывая её сечение. Здесь всегда была минусовая температура, и о качестве продуктов можно было не беспокоиться.

В ночь на 20 июля поднялся буран, и трое суток, пока он бушевал, они пребывали в трюме баржи. Как только погода установилась, они вышли на поверхность и с ещё большим усердием взялись за прерванные работы. Буран напугал их; они подумали, что зима уже рядом и им надо поторапливаться.

* * *

Во второй половине августа морозы стали крепчать. До этого Игорь носил телогрейку, а Пётр Васильевич поверх джинсовой куртки надевал куртку из коровьей шкуры – дублёнку, как они её называли. Несколько дней ещё эта одежда спасала, но потом стало невмоготу, и они вынуждены были выходить наружу поочередно, надевая и телогрейку, и дублёнку.

Но вот 31 августа – они хорошо запомнили эту дату – похолодало настолько, что Игорь, собравшийся было на элеватор, отказался от похода.

– Завтра пойду, – сказал он, – может, немного отпустит.

Однако наверху всё выстывало и выстывало, и под утро ударил такой мороз – носа нельзя было высунуть из баржи. И это в самом начале осени!

Они в который раз со страхом подумали о предстоящей зимовке. Большая часть дров была складирована снаружи около бортов баржи. Когда погода всё же позволила, они целый день перетаскивали их в трюм и не прекратили работу, пока не погрузили в него последний сук.

И вовремя. Не прошло и суток, как при крепком морозе повалил снег и поднялся ветер, достигший в скором времени ураганной силы. Под его напором трудно было устоять на ногах. Потоки ледяного воздуха пронизывали насквозь.

Предпринимать какие-либо вылазки в таких условиях было невозможно. Отец с сыном сидели в своём подземелье, поддерживая огонь в печи и занимаясь приготовлением кушаний. Один день у них был рыбный, на другой день они ели говядину, на третий – пробавлялись лепёшками, которые пекли из растолчённых пшеничных зерен. Ещё они лузгали подсолнечные семечки, калённые на глиняной сковородке.

Рыбу жарили и тушили, варили уху, добавляя в неё всё ту же толчёную пшеницу. Из цельных зёрен варили кашу, сдобренную рыбьим жиром. Говядина шла на приготовление похлёбок. Иногда, для разнообразия, они отходили от установленного правила и, насадив кусочки мяса на клюку, жарили шашлыки.

Ежедневно Пётр Васильевич замачивал в воде пригоршню пшеницы для проращивания. При появлении беленьких, миллиметр длиной, росточков он сливал воду, и оба с удовольствием поедали мягкие разбухшие зёрна и подолгу жевали остающуюся во рту вполне приятную упругую клейковину. Пётр Васильевич говорил, что в проросших зёрнах образуются биологически активные вещества и витамины, и те и другие благотворно действуют на организм и помогают уберечься от цинги и многих прочих болезней.

Между тем с погодой творилось что-то невообразимое. Ветер стих, но лишь для того, чтобы в полной мере себя проявили морозы. Температура воздуха всё понижалась, и наконец установился такой лютый холод, какой, наверное, бывал только за пределами земной атмосферы. Стенки трюма стали быстро промерзать и покрываться инеем. Проём в кирпичной кладке пришлось завесить матрасом. Спать стали на борове, подстилая на кирпичи телогрейку и дублёнку.

Однообразна была их жизнь и тем особенно утомительна. Игорь скрашивал её, часами уставясь на волнующиеся в печи языки пламени, на пышущие жаром горки золотистых углей. Иногда к нему подсаживался отец, и тогда они вдвоём созерцали волшебное действие превращения одной материи в другую.

Но чёрная тоска, от которой хотелось завывать волчьим воем, становилась всё нестерпимее. Игорь чувствовал, что так можно и свихнуться.

Озарение пришло, когда как-то раз, затолкав в печь обломок ствола, он увидел, как побежал, поскакал по белой коре рыжий, похожий на коня гривастый огонь. Улыбнувшись внезапно возникшей идее, Игорь полез за печку и достал хранившиеся там остатки глины. Размочив её в воде, он слепил из неё шахматные фигурки и обжёг их на огне. Вместо доски был приспособлен

соблен лист пенопласта с размеченными на нём белыми и чёрными клетками, вымазанными древесным углем. С этого момента они каждый день играли несколько партий, и в какой-то мере шахматы помогали им отрешиться от их отчаянного положения.

Немалое развлечение доставляло общение с Цыганом, которого они обучали всему, чему обычно обучают собак. Нередко они заводили с ним бесконечные, переходящие в сюсюканье разговоры, он же только пялил на них наполненные печалью собачьи глаза. Он понимал, что людям невесело, и невольно настраивался на ту же волну.

Однажды, это было в середине декабря, среди дров в руки Игоря попала ивовая палка – прямая, гладкая, толщиной сантиметра два с половиной. Мальчишками они делали из таких палок свистульки. Игра на кларнете в музыкальном училище и знакомство с другими духовыми инструментами не прошли для Игоря бесследно. Внимательно оглядев находку, он понял, что из неё можно сделать вещь более сложную, чем свисток.

Лучше, конечно, иметь дело с молодым свежесрезанным побегом, у которого кора легко отделяется от древесины, достаточно только её как следует обстучать со всех сторон. Например, рукояткой того же ножа. Кора на палке, оказавшейся в распоряжении Игоря, была грубее, чем хотелось бы. Он заметил также, что за время пребывания в трюме она подсушилась, и это дополнительно осложняло достижение задуманного. Можно было бы, конечно, иву предварительно размочить в воде и только после этого попробовать вытолкнуть древесину из обнимавшей её оболочки. А если кора лопнет? Лучше было не рисковать.

Отложив заготовку, он занялся другими делами. И вот по истечении некоторого времени решение пришло исподволь, само собой. Помочь должен был огонь, а не вода.

Раскалив в печи заострённый конец клюки, он по всей длине заготовки прожёт отверстие и осторожно обработал его ещё более тонким прутком, освободив от гари. Получилось даже лучше, чем он задумывал. Осталось вырезать мундштук и прожечь в стенке трубки несколько следующих одно за другим отверстий.

Когда всё было закончено, он взял инструмент обеими руками, приложил мундштук к губам, и... мрачное подземелье прорезал чистый мелодичный звук. От неожиданности Пётр Васильевич и Цыган вздрогнули и повернулись к Игорю. А он переменил пальцы, приоткрыв следующее отверстие, и раздался новый звук, более высокий и нежный. Цыган облизал свой нос, а губы Петра Васильевича тронуло подобие улыбки. Оба придвинулись к новоявленному музыканту.

– Это что, флейта у тебя? – спросил отец у сына.

– Ну, до флейты нам далеко.

– Тогда – дудка.

– Да нет... Я думаю, это что-то вроде свирели. Есть такой старинный музыкальный инструмент.

– А можешь сыграть что-нибудь?

– Сейчас попробую.

Устроившись удобнее, Игорь сделал вдох, и в трюме полилась мелодия песни «Во поле берёзонька стояла». Пётр Васильевич слушал молча, покачивая головой, а Цыган сел напротив, задрал морду и «запел», точнее, завыл, следуя звукам свирели.

Отыграв «Берёзоньку», Игорь взялся за другую мелодию, более ритмичную и задорную, и Цыган пустился в «пляс». Он вертел задом и помахивал хвостом, мотал головой и переступал в такт музыке, двигаясь из стороны в сторону. В завершение он свалился на пол, перевернулся вверх брюхом и смешно задёргал ногами. При этом он почти неотрывно смотрел на Игоря и в каждый удобный момент выпускал очередную собачью руладу.

Игорю стоило труда сдерживать смех, глядя на него, а Пётр Васильевич, сам не замечая того, просто расплывался в улыбке.

– Ишь что вытворяет. А ну сыграй ещё что-нибудь.

Концерт не прекращался, пока у музыканта не заболели губы.

Ночью Игорю приснился сон. С высоты птичьего полёта ему виделась бескрайняя снежная пустыня с застывшей под ней летаргической баржей. Он увидел себя со свирелью в руках, сидящего рядом Цыгана, освещённых слабым колеблющимся пятном печного зарева, и спящего на борове отца. Подземелье показалось ему таким глубоким, а сам он таким маленьким и одиноким, что у него заныло сердце, стало трудно дышать, и он проснулся.

Тоска, душившая его, не отпускала и наяву. Он несколько раз вдохнул всей грудью, а когда это не помогло, заставил себя улыбнуться и беззвучно рассмеяться долгим трясучим смехом.

Преодолев приступ душевной слабости, он сполз с лежанки и присел перед печным зевом. Огонь в печи погас, угли покрылись слоем пепла. Проспали! Этот концерт размагнитил и отца, и его самого. А расслабляться нельзя, так недалеко и до беды. Вообще-то следить за печкой была очередь Петра Васильевича, но Игорь чувствовал вину и за собой.

Забыв про сон и одиночество, он схватил клюку и загнутым её концом пригрёб угли из глубины печи поближе к себе; в их чернеющей массе появилось несколько тлеющих огоньков. Ну вот, а ты испугался, самому себе сказал Игорь. Видишь, ничего страшного не случилось. Кроме того, у них есть лампадка. Вон она теплится. Жара от её пламени немного, но его достаточно, чтобы получить большой огонь. Плюс ко всему зажигалка. Успокаивая себя, Игорь никак не мог избавиться от сосущего чувства тревоги.

Подогнав огоньки один к другому, он положил на них и около ворох сухой бересты и, приблизив губы, осторожно подул. Вот крайняя, попавшая прямо на красный уголь, береста стала темнеть и коробиться, вот она задымилась, по ней побежал всё возрастающий пламенёк; раздаваясь вверх и вширь, он быстро из слабого и робкого становился сильным и буйным. И вот уже в печи полыхает яркое коптящее пламя. Теперь самая пора подложить несколько сухих веток, на них несколько веток покрупней, за ними – крупные сучья. Раскочегарив печь на полную мощность, Игорь просунул в глубину огненного жерла трёхметровый берёзовый ствол, и конец его, угодивший в сердцевину жара, мгновенно схватился рыжими приплясывающими космами огня. Порядок. Теперь в печи будет гореть до утра.

А отец спит. Ну и пусть спит. Пусть маленько забудется. Для него сон вместо лекарства.

Музыкальные упражнения Игоря стали для обитателей баржи ещё одним развлечением. Дня не проходило, чтобы он не брался за свирель. Если же музыкант задерживался с началом концерта, то Пётр Васильевич непременно поторавливал его.

– Сыграй, сынок, не томи душу, – говорил он. – И Цыган ждёт. Видишь, приготовился подпевать.

* * *

Три с лишним месяца воздух наверху был неподвижен. Тихо звенел и шелестел он, выдавливая из себя мириады крохотных серых снежинок. А потом он пришёл в движение. И вот завывали, завизжали снежные вихри. И не понять было: то ли это вздымает и несёт промороженный наст, то ли подваливает сверху, то ли... Пляска смерти продолжалась несколько недель, а когда она прекратилась, на смену ей пришла ещё более жуткая, чем прежде, стужа.

Ежедневно обитатели баржи покидали жилое помещение, чтобы принести дрова или провизию. Сразу за дверным проёмом они попадали во власть вечного холода, от которого индвелели усы и брови. И тем не менее, если полностью одеться, здесь можно было находиться довольно длительное время. Ведь баржа чуть ли не целиком была под землей, и это предотвращало ещё большее промерзание трюма. Притоку дополнительных порций холода препятствовал и глубокий снежный покров. В какой-то степени мороз в трюме смягчал и тёплый дым, постоянно выходивший из печной трубы.

Наружные вылазки длились не более одной минуты. Обычно на поверхность выбирался Игорь – он был более юрким и подвижным. Зачерпнув ведром снег – из него они натапливали воду, – он немедленно спускался вниз. И всё равно даже за это короткое время прохватывало так, что деревенели суставы. Чтобы запредельно низкая температура не сожгла лёгкие, Игорь по самые щёлки глаз натягивал на голову ворот свитера.

Через всегда открытый люк снег наметало и в трюм. Если он был свежавывающий, Пётр Васильевич и Игорь брали его. Затем снег этот, и без того тёмный, ещё более чернел от дыма и уже не годился для употребления. Тогда вылазки на поверхность возобновлялись.

В середине апреля, однако, морозы стали ослабевать, и обитатели баржи смогли наконец спокойно выйти наружу и как следует оглядеться.

Кругом было суровое царство снега. Нос баржи занесло выше отверстия люка, поэтому выбираться приходилось как из колодца. По их оценкам высота снежного покрова была не менее трех метров.

Ледяная пустыня... Но что-то в открывшейся перед ними картине было необычно. Сперва они не поняли, в чём тут дело, а потом увидели между серыми горбатыми пластами жёсткого наста островки пушистого снега. Видимо, он выпал недавно и веяние воздуха увлекло его в низинки. Но главным было то, что снег этот был... белым.

Отец с сыном обменялись взглядами. Они поняли, что белый снег обещает перемену в погоде, может быть, весьма существенную, а может, это вообще знак возврата прежнего, более мягкого климата.

Они выпустили Цыгана из трюма, и он помчался, выписывая большую окружность, подпрыгивая, радостно повизгивая и взлаивая и оставляя на снегу грязные следы. Но малая подвижность в течение долгих месяцев скоро дала себя знать; как-то сразу прекратив бег, Цыган еле доплёлся до носа баржи и лёг у ног хозяев, тяжело поводя боками и не в силах больше сделать ни шагу.

15 мая подул тёплый южный ветер. Тёплый – по сравнению с предыдущими холодами. Но подставляя лицо его напору, они окончательно уверились, что придёт весна.

20 мая они стали свидетелями необычного атмосферного явления: небо очистилось от туч и в голубой вышине засияло забытое ими солнце. О-о, это был дар богов! Пётр Васильевич и Игорь встали у заснеженного борта баржи, на припёке, разделись до пояса и замерли, наслаждаясь ниспадавшими с небес чудодейственными лучами.

У них не было часов, чтобы узнать, как долго они загорали. Наверное, не больше пятнадцати минут. Но когда небо вновь заволокло тучами, они стали надеяться, что солнце скоро вернётся и произойдёт это, может быть, уже завтра.

– Ты заметил, пап, в последние дни облачность не такая плотная? – уже одетый, Игорь всё ещё стоял, задрав голову. – Облака больше не виснут над землёй, ушли в вышину. И солнечное тепло проникает сквозь них, я чувствую его.

Пётр Васильевич благодушно улыбнулся.

– Вообще-то становится теплее, – сказал он, – не заметить этого нельзя.

Чудо, которое они ждали, произошло 1 июня. В то утро они проснулись очень рано, вышли на поверхность и увидели синее небо – на нём не было ни облачка. А над серыми заснеженными холмами поднималось большое красное солнце. Они не верили своим глазам и всё боялись, что вот сейчас наплзёт откуда-нибудь тяжёлая лохматая мгла и опять всё померкнет и окутается мраком и трауром.

Но небо оставалось чистым. К полудню солнце поднялось к самому зениту. Тёмный снег жадно поглощал его лучи, на глазах проседая и испещряясь бесчисленными ноздреватыми проталинами. Южный ветер не был таким тёплым, каким он должен быть в это время года, но всё же он помогал наступившей весне и ускорял таяние снегов.

Весь день Пётр Васильевич и Игорь оставались наверху, спускаясь в трюм, чтобы только поддержать огонь и наскоро приготовить что-нибудь из еды. Они следили за солнцем, какой путь оно проделывает по небу, чихали, глядя на прозрачный небосвод, и радовались, как дети. Цыган громко лаял и носился, точно угорелый, отбегая на значительные расстояния. С того памятного апрельского дня, когда они впервые после длительного заключения поднялись на поверхность, они каждое утро выпускали пса на волю, предоставляя его самому себе, и к нему вернулась прежняя выносливость.

Ночью высыпали звезды и взошла луна. Дул тёплый ветер, и с восходом солнца интенсивность таяния снегов ещё больше возросла. Так продолжалось пять дней. И вот бурные потоки воды с рёвом устремились в низины, пробивая дорогу в снегах и растекаясь на огромных площадях. К счастью, баржа находилась на возвышенности, и затопление ей не угрожало.

В один из погожих дней с юга на север проследовал клин перелётных птиц. При виде их отец с сыном закричали во всю силу лёгких и замахали руками. Они поняли, что, несмотря на страшные холода, жизнь на земле сохранилась и, возможно, впереди их ждёт встреча с людьми.

Затем проследовало ещё несколько клиньев то ли гусей, то ли журавлей. Где-то в невидимой вышине зазвенел жаворонок, а поблизости от баржи спланировала и долго по-хозяйски ходила, исследуя территорию, стайка грачей. За ними короткий дружественный визит нанесла пара скворцов, а когда они улетели, появились ещё несколько пичужек, названия которых они не знали.

Но ни воробьев, ни ворон, ни голубей не было видно. По всей видимости, те немногие из них, которые уцелели во время землетрясения, потом погибли от холода.

Весна активизировала и обитателей баржи. По мере схода снега и подсыхания почвы, они пускались во всё более дальние походы с целью ознакомления с окружающей местностью. Они уже смелее, чем прошлым летом, ступали по земле, так как большинство провалов замыло паводковыми водами.

С радостным удивлением обнаружили они около баржи первые побеги травы. Это было ещё одно чудо. Отец с сыном ходили на цыпочках, стараясь не наступать на растения. Вскоре зазеленели все прилегающие склоны. Травы росли как на дрожжах, и зелень их с каждым днем принимала всё более насыщенные оттенки. Голыми оставались только скалы да каменные россыпи, то есть то, что совсем уж не могло дать пищу корням.

Зеленая поросль появилась и на месте березовой рощи. Кроме травы это были и берёза, и какие-то кустарниковые.

– Такие морозы стояли – дышать было нельзя, – сказал Игорь. – А деревца поднимаются, не вымерзли. Можешь ты это объяснить? – обратился он к отцу. В этот день они дошли до южной оконечности озера – она оказалась километрах в двенадцати, – возвращались к барже и как раз проходили территорией прошлогодней лесозаготовки.

– Нет ничего проще. – Пётр Васильевич несколько важно улыбнулся. – Снега-то вон какие были. Они и укрыли землю, как одеялом. Точки роста растений сохранились и, как только появились необходимые условия, пробудились и начали развиваться. Вот и все.

– Гм, мне это как-то и в голову не приходило, – сказал Игорь. – Пожалуй, так оно и есть, как ты говоришь. Но вот ещё... Мы же видели, как землетрясение всё перелопатило. Часть земной поверхности провалилась куда-то, на её же место вытолкнуло другое, совершенно бесплодное и, заметь, без всяких точек роста. И на этих местах сейчас тоже растёт, да ещё как! Это почему?

– И здесь всё просто. На гектаре земли количество семян диких растений может достигать одного миллиарда и более. Допустим, половина из них ушла на большую глубину, откуда они не смогут прорасти. А другая половина, пятьсот миллионов, осталась. Да этих оставшихся семян хватит всю площадь сто раз подряд засеять.

– Ладно, согласен. Но на бесплодных-то почвах...

– Это только сразу после землетрясения они были бесплодные. Ты вспомни, какие дожди, а за ними снегопады были. Сколько осадка оставалось, когда мы воду из снега натаивали. Дождь грязный, снег грязный – с ними грязь-то на эти бесплодные почвы и попала. А какое половодье было, сколько ила намыло везде! И всё это – ил, грязь – содержит в себе питательные вещества. Плодородным слоем покрыло всю землю.

– Ростки, питательные вещества! И откуда ты это знаешь?

– Книжки надо было читать в своё время, дорогой.

Довольный тем, как, на его взгляд, он всё толково объяснил, Пётр Васильевич посмотрел на сына, задержался на какое-то время на исхудавших чертах его лица и спросил:

– Как ты думаешь, не пора ли нам с тобой отправляться на поиски людей? Снега сошли, земля подсохла. Сколько здесь можно оставаться? Для меня баржа стала хуже тюрьмы.

– Конечно, пора. Тем более что и есть-то уже нечего. Не считая вот этого, – Игорь тряхнул пучком зелени, из которого на ходу выбирал и отправлял в рот то стебелек щавеля, то корешок свинороя.

Из зимних запасов у них остались только пшеница и подсолнечник. Рыбу они доели в конце мая, а говядина кончилась ещё в апреле. С появлением зелени они всё больше переходили на подножный корм. Большинство трав ели просто так, а из некоторых кое-что готовили. Крапиву, например, использовали при варке пустых пшеничных щей. Листья одуванчика, измельчив ножом, смешивали с освобождёнными от шелухи семечками подсолнечника. «Салат в трюме» в шутку называли они это блюдо, делая ударение на последнем слове. Листья смородины и малины заваривали кипятком, получая приятные пахучие отвары. И всё было бы ничего, если бы не чувство голода, которое после такой еды только усиливалось.

– Если мы останемся здесь ещё на одну зиму, – сказал Игорь, – то на таких харчах протянем ноги.

Как всегда в походах, Цыган челноком сновал по сторонам и впереди, выискивая и пожирая разных насекомых. Он охотился за ними большую часть суток и с наступлением лета был обеспечен питанием лучше своих хозяев. Однажды в их присутствии он поймал и тут же сожрал какого-то зверька размером с крысу. Шерсть на нём, потускневшая к концу зимы, снова стала лосниться. Несмотря на худобу, вид у него был вполне здоровый.

* * *

5 июля они оставили баржу и двинулись на юг, где должен был находиться Саратов. Маловероятно, конечно, увидеть город в целости и сохранности. Если уж Волга исчезла или переместилась так далеко, что они не смогли её обнаружить, то, наверное, и с Саратовом не всё было благополучно. Но они надеялись встретиться там с кем-нибудь из оставшихся в живых.

До Саратова было двести с лишним километров, и они рассчитывали добраться до него за шесть-семь дней, если не будет задержек из-за сложного рельефа местности.

С собой они взяли всё, что могло пригодиться в пути: зажигалку, нож, ведро, удочки, обе клюки, сковороду из обожжённой глины, две миски и две ложки, рюкзак с пшеничным зерном. Дублёнку перекроили и перешили в заплечный мешок с лямками и двумя отделениями, одно из которых тоже загрузили пшеницей, а другое – подсолнечником.

Из матраца Пётр Васильевич сшил себе простёганное пальто, несуразное на вид, но тёплое и вполне пригодное для носки.

В корзину, сплетённую из молодых ивовых прутьев, поместили горшок с горящими углями. Горшок закрывался крышкой, а по бокам были проделаны отверстия для доступа воздуха. В корзине находился и запас древесного угля, который они подкладывали в горшок

по мере надобности. Корзина была довольно обременительна, но, имея живой огонь, они экономили горючее в зажигалке. Свирель Игорь положил в карман джинсовой куртки.

Шли без спешки, останавливаясь везде, где только можно было раздобыть что-нибудь съестное. Своё меню они разнообразили сочными водянистыми побегами хвоща, горьковатой дикой редькой, пряным козлятником, мучнистыми корнями рогоза и лопуха, листьями малины, смородины, шиповника, зелёными поначалу, а потом и спелыми ягодами клубники, луговыми опятами, шампиньонами и молодыми дождевиками. Словом, всем, что пошло в рост и годилось для употребления.

На ночлег располагались в местах, где имелось и топливо, и источник воды. Разводили костёр и пекли лепёшки. Или варили грибной суп. Или щи из лебеды или крапивы.

На девятнадцатый день пути они подошли к большому озеру. Противоположный берег его был так далеко, что едва различался в мглистой синеве, нависшей над водой. Неподальку от озера зарастал травой и кустарником лесочек, уничтоженный стихией. Столько дров, да у воды им ещё не попадалось. Лучшего места для ночёвки нельзя было придумать.

Вечером, на закате солнца, они слышали, как в озере плещется рыба. Недолго думая, отец с сыном закинули обе удочки, используя для наживки кусок лепёшки, оставшийся от ужина. Вскоре на крючок попался окунь, за ним второй, третий. Потом наживку заглотил подлещик, за ним было поймано несколько ершей. Для ухи этого было вполне достаточно. Пётр Васильевич взял на себя поварские обязанности, а Игорь продолжил рыбалку. Пока отец хлопотал у костра, он надёргал ещё с десятков ершей и бычков. Этот улов тоже пошёл в кипящее варево.

Когда уха была уже готова, Игорь поймал такого крупного сазана-горбача, что еле выволок его на берег. По обоюдному согласию сазана оставили на утро.

Наконец, Пётр Васильевич и Игорь сели к полуночной трапезе. Многодневная растительная диета изморила их, и потому уха показалась им особенно вкусной. Свою роль играло и то, что располагались они под открытым небом, на природе. Они ели, пока не вычерпали всё до дна. Потроха, кости и головы, как обычно, перепали Цыгану. Он мгновенно всё пожирал и, роняя слюну, с вожделением поглядывал на хозяев в надежде на очередную подачку.

На утренней заре Игорь возобновил рыбалку и до восхода солнца поймал пять окуней, двух крупных судаков и одну щуку. Из окуней и половины сазана сварили уху, а судаков и щуку завернули в листья лопуха и запекли в золе. Еды было вдоволь. Впервые за долгое время досыта наелись и люди, и собака.

Игоря охватил рыбацкий азарт. На полпути к погибшему лесочку каким-то образом сохранилась оплывшая куча полуперепревшего навоза; то ли его буртовали на этом месте перед внесением в почву, то ли здесь был когда-то летний животноводческий лагерь. Как бы то ни было, в рыхлой коричневой массе его с примесью соломы было полным-полно червей. Накопав с пригоршню, Игорь сменил наживку, и... началось! Не успевал поплавок коснуться воды, как рыба была уже тут как тут. Клевало сразу на обеих удочках.

– Пап, иди, помогай! – крикнул Игорь. – Скорее, у меня завал!

Подложив в костёр побольше сучьев, Пётр Васильевич присоединился к сыну. Но и вдвоём они еле справлялись с рыбой, спешившей на крючок. Пробовали ловить на блесну и на кембрики, оставшиеся у них с той, последней в Тихой Заводи рыбалки. Рыба брала всё, что ей ни предлагали. Среди прочей добычи попались несколько зеркальных карпов, два линя, лещ, толстолобик, белый амур и судак.

День превратился в сплошной пир. Уху сменяла рыба, испечённая в золе. Затем шла – жаренная на вертелах. Проходило немного времени, и вновь попевала уха. Рыбаки объедались и под конец могли только лежать и отдуваться. Не было сил даже разговаривать. Цыган аппетитом не уступал хозяевам. Его кормили, пока он не стал закапывать рыбу в прибрежный песок.

– Не озеро, а скатерть-самобранка, – сказал Игорь, немного придя в себя после обильной еды. – И откуда здесь столько рыбы?

– Возможно, здесь был рыбопитомник, – сказал Пётр Васильевич. – Я больше ничем другим объяснить не могу.

– Рыбопитомник? Нет, слишком большой. Видел я рыбопитомники – они раз в десять меньше.

– Но он мог увеличиться при землетрясении.

– Разве что... Но почему при таких глубоких снегах рыба подо льдом не задохнулась?

– Кто его знает почему? – Пётр Васильевич недоумённо пожал плечами. – Но подток воздуха в воды озера, несомненно, откуда-то был. Положим, он поступал из каких-то земных пустот. А, как ты на это смотришь?

– Не знай, не знай. Что-то верится с трудом.

За рыбалкой пролетела неделя. Все отъелись, вошли в тело. На Цыгане шерсть блестела и переливалась парчовой волной.

– Не жизнь, а сплошной курорт, – сказал как-то Игорь, проснувшись после очередной обильной трапезы. – Остаться бы у этого озера. Насовсем.

– Неплохое местечко, – отозвался Пётр Васильевич. – Летом, конечно. А что здесь будет зимой? На морозе в нашей одежке не порыбачишь – вмиг зачоченеешь. И какие песни мы с тобой тогда запоем? Нет, договорились разыскивать людей, вот, и давай их искать.

Жалко им было оставлять приютившее их озеро, но делать было нечего. После восьми дней отдыха они снова были в пути.

Горы и пропасти вынуждали их уклоняться то на запад, то на восток. Но обойдя очередное препятствие, они неизменно поворачивали на юг, который обещал более сносные условия существования и где, по их мнению, встреча с людьми была более вероятной.

Ни на Саратов, ни на другие города они так и не вышли. Или они миновали их стороной, или от них не осталось и следа. Они давно поняли, что с лица земли стёрло не один только Тихомиров, что скорее всего катастрофа имела планетарный характер.

После месяца путешествия они набрали на широкую с сохранившейся разметкой автомагистраль. Она пролегла в нужном им направлении, и несколько километров отец с сыном прошли по асфальтовому покрытию, растрескавшемуся и кое-где разорванному на куски. Но всё же это была настоящая дорога, по которой когда-то мчались автомобили.

С обеих сторон её выше головы лесом поднимался буйно разросшийся бурьян. Захватив обочины, растительный мир устремился к середине дорожного полотна, посылая передовые зелёные отряды по всем его трещинам и разломам. Путники дивились, видя, как быстро природа поглощает остатки человеческой цивилизации.

Асфальт закончился глубочайшим разломом, протянувшимся от горизонта до горизонта. Свернули в сторону, на запад. Шли целый день и всё никак не могли вернуться на прежний путь. Только к вечеру разлом стал мельчать, раздаваться вширь и превращаться в обычную глубокую балку.

Переправившись через неё, они поднялись на пригорок и на некотором расстоянии перед собой увидели улочку деревенских домов. Одни из них частично или полностью были разрушены, но некоторые выглядели совершенно неповреждёнными.

Отец с сыном обменялись взглядами и, ни слова не говоря, изо всех сил припустили к деревне.

Ах, как было бы хорошо, как были бы они счастливы, если бы в этих домах жили люди! Но чем ближе становились постройки, тем больше первый порыв сменялся разочарованием, и они невольно стали сдерживать шаг. Ничто не говорило о присутствии человека. Заросли бурьяном огороды, не видно было ни тропинки, ни единой примятой травинки. Окрестные поля представляли собой одни только девственно зелёные холмы и косогоры.

На всю деревню уцелело лишь три дома. Чёрные глазницы выбитых окон развеяли последние надежды. Отец с сыном двигались по улице медленно и безмолвно, как по кладбищу. Они заглянули в один дом, в другой. В обоих – пусто и сыро, на полу наносы пыли и тускло блестящие осколки грязного стекла. В третьем доме, добротном, крытом оцинкованным железом, окна были наглухо заколочены досками, и они вынуждены были остановиться у порога, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте.

Когда тьма несколько рассеялась, они увидели трупы людей с намотанным на каждом ворохом одежды. Два на кровати под одеялом и один на печи. Все – женские. Иссохшие почерневшие лица.

Очевидно, эти люди погибли от холода. А может быть, потеряв близких, им просто не хотелось жить и они угасли, задавленные тоской.

Печальное зрелище, однако, не слишком потрясло наших путников; после гибели родного города мало что могло их смутить. Постояв перед мертвецами и отдав им тем самым дань уважения, они прошли по домам и собрали кое-что из вещей: два топора, одну штыковую лопату, одну ножовку по дереву, четыре ножа – все, что разыскали, один крупнозернистый брусок для заточки инструментов, шесть ложек – четыре из нержавейки и две деревянные. Взяли они также чугунок литров пяти вместимостью, два ведра – одно оцинкованное, другое эмалированное, большую сковороду с прозрачной крышкой, эмалированную миску и две эмалированные же кружки.

Пётр Васильевич положил в свой мешок опасную бритву в футляре, шило, с десяток крупных иголок с просторными ушками, клубок дратвы, клубок суровых ниток, несколько шпук с простыми черными и белыми нитками, моток лески и коробку рыболовных крючков разных размеров. В одном из домов в ящике стола нашли ножницы.

Одежда и обувь у них стала совсем негодной. Последние дни шли в поршнях – так они называли лоскуты коровьей шкуры, которыми обматывали ступни ног. Поэтому они были несказанно рады, когда им попалось несколько мужских рубашек и брюк, брезентовая куртка, телогрейка, рабочие ботинки и почти не ношенные кожаные туфли.

Сбросив лохмотья, они облачились в «обновы», а оставшуюся часть найденной одежды запихнули в заплечные мешки.

Солнце к тому времени закатилось за возвышавшиеся на западе холмы. Ночевали под открытым небом. Для костра натаскали дров, поленицу которых нашли в одном из сараев.

Перед тем как покинуть деревню, они вырыли под окнами дома могилу и похоронили мертвецов. «Здесь покоятся три женщины». Такую надпись Пётр Васильевич вырезал на перекладине креста.

* * *

Пролетело лето, наступил сентябрь, а отец с сыном, словно одержимые, шли всё дальше на юг.

– Слушай, пап, – сказал однажды Игорь, – а ведь мы, наверно, уже на территории другого государства, как ты думаешь?

– Какого государства, где оно? – спросил Пётр Васильевич, посмотрев из-под ладони на вздымавшийся вокруг гористый ландшафт и поворачиваясь в одну и другую стороны. – Покажи, не вижу. Нет никаких государств, как нет границ, которые когда-то нагородили люди. Ничего нет. Я думаю, не остались ли мы с тобой вообще вдвоем на всем земном шаре. Мы будто на другой планете. Посмотри: одни горы и пропасти, всё искромсано, искорежено – нет ничего похожего на обычное, земное.

– Ну почему только горы! – возразил Игорь. – Нам попадались и равнины.

– Которые совсем недавно были морским дном, судя по останкам животных, что мы там находили.

– Ладно, хватит об этом. Я вот думаю, нам надо поднажать, поскорее двигаться туда, где круглый год тепло. Если здесь нас настигнет зима, мы погибнем, сами превратимся в останки.

– Погибнем, – сказал, усмехнувшись, Пётр Васильевич. – Вот страшно-то! Да я завидую тем миллионам, сотням миллионов, которые... Для чего мы сейчас живем? Какой смысл в нашем существовании? Никакого смысла нет. Не сегодня-завтра и мы с тобой последуем за всеми остальными. Ну не завтра, так через год или два. До сих пор нам везло. Но наступит момент, когда повернётся по-другому. И тогда мы загнёмся. И что останется после нас?

– Конечно, когда-нибудь и нас не станет, – сказал Игорь. – Но до тех пор... Короче, ложиться и помирать я не собираюсь. Мы с Цыганом будем держаться до последнего. Верно, Цыган?

Услышав своё имя, пёс оглянулся на хозяев, радостно гавкнул и завилял хвостом.

– Видишь, Цыган заодно со мной! Да и ты зря так растравливаешь себя. Сколько можно об одном и том же? Раз уж мы остались живы, надо, говорю тебе, держаться. Ну и должны, должны где-нибудь остаться люди. Надо их только искать. Кого-нибудь мы да встретим.

– Да, люди, – заговорил вдруг минуту спустя Пётр Васильевич. – За деньгами, за богатством гонялись всё, а кто за славой. Какие умники были, какие речи произносили с самых высоких трибун! А надо было, дуракам, о земле, о природе больше заботиться да солнышку радоваться, глядишь, и не случилось бы всего этого. А теперь ни богатство, ни слава уже не требуются. И получается, за чепухой гонялись людишки-то. Эх, не тем надо было всем нам жить!

За летом миновала осень, а наши путники всё так же неутомимо двигались в южном направлении. Они обрели выносливость и могли совершать большие переходы. Их жгло солнце, поливали дожди. На одном из горных перевалов их захватила снежная буря, у них не было укрытия, и они едва не погибли. Но снежный заряд пролетел и исчез, и они снова устремились в полуденную сторону. Увы, во время бури пропала свирель. Очевидно, она выпала, когда они шли, подгоняемые порывами северного ветра.

Трижды огонь, который они несли в корзине, угасал. Два раза из-за того, что кончились угли, а дров, чтобы нажечь новые, у них не было. Один раз огонь залило сильным дождём. Но зажигалка, которую они берегли как зеницу ока, действовала безотказно, поэтому проблем с разведением костра не возникало.

Они привыкли кочевать. Изменения рельефа местности и климатических особенностей приносили ощущение новизны, а конечная цель путешествия отступила куда-то на задворки сознания.

Как-то раз, это было в середине дня, они услышали странный приглушённый рокот. Он доносился из-за песчаной дюны, на гребень которой они взбирались, и то усиливался, то притихал, но не умолкал ни на одно мгновение. Игорь вспомнил гул – предвестник вселенской катастрофы – и у него болезненно сжалось сердце.

Они преодолели подъём и ахнули, поражённые красотой раскинувшейся перед ними бесконечной дали синего моря. Волны его обрушивались на пологий песчаный берег и откатывались назад, оставляя за собой прозрачный, исчезающий шлейф воды.

В море, в километре от берега, поднимались тёмные причудливые каскады скал; над ними и вокруг них, над всем обозримым пространством воды реяли, пикируя на волны, сотни и тысячи чаек и других, незнакомых птиц, крик которых плотно накладывался на шум водяных валов, разбивающихся о берег.

– Что же это за море такое?! – крикнул Игорь, окидывая восхищённым взором волнуемый простор. – Чёрное или Каспийское?

– Что с тобой? Очкнись! – с насмешкой отозвался Пётр Васильевич. – Те моря остались далеко на севере. Обрати внимание – уже декабрь, а тепло, как летом. И смотри, как высоко солнце!

– Так, где же мы?

– Я думаю – у Индийского океана.

– У Индийского! Так далеко! Ух ты, страшно даже стало. Как же мы вернёмся обратно? Надо же нам когда-нибудь вернуться, а? Как ты думаешь?

– А куда возвращаться? К барже, опять в то подземелье? И кто нас там ждёт?

– Ну, там наша родина.

– Там могила нашего города. И больше ничего.

– А что мы будем делать у моря?

– Жить-поживать. Ты ведь, говоришь, помирать не собираешься? Сейчас зима, а здесь тепло – то, что нам надо. Конечно, наше существование остаётся под вопросом. Но теперь так всегда и будет. Мы одни, помощи ждать не от кого, и мы целиком зависим от всего этого, – Пётр Васильевич повёл вокруг себя рукою, имея в виду среду обитания. – Постой, а что там наш Цыган делает? Никак что-то нашёл.

Цыган энергично рыл лапами песок, углубляясь в него, и вскоре выкопал яйцо, которое, раздавив зубами, немедленно проглотил, оставив кожистую оболочку. Необычная еда пришлась ему по вкусу. Он ещё усерднее заработал лапами и выкопал второе яйцо.

– Точно, нашёл, – сказал, улыбаясь, Пётр Васильевич. – Ну молодец, Цыган, быстро акклиматизировался.

Люди присоединились к собаке и, углубив яму лопатой, добыли из песка несколько десятков яиц. Собрав выброшенные морем куски дерева и сухие водоросли, они разожгли костёр и, зачерпнув воды в ближайшем ручье, сварили яйца в чугуне.

– Вкусные, – сказал Игорь, пробуя одно.

– Наверно, черепаши, – сказал Пётр Васильевич, следуя его примеру.

– Не отравимся?

– Не должны.

– Объеденье, вкуснятина, во рту тают. Смотри, Цыган нажрался и лежит, язык вывалил.

– Не мешало бы узнать, каковы на вкус сами «несушки».

В тот же день им представилась такая возможность. Они поймали большую черепаху и сварили из неё суп, который показался им просто превосходным.

Море изобиловало продуктами питания. Помимо черепаших яиц они собирали птичьи – великое множество их имелось на прибрежных скалах. Во время отлива находили на обнажавшемся дне крабов и других животных, похожих на кальмаров, и варили их на костре. Останавливаясь на ночёвку, Игорь забирался на камни, выступавшие из моря, закидывал удочку и вылавливал то красноватых морских окуней, то небольших рыбёшек, которых они называли сардинами, то ещё кого-нибудь.

Их беспокоило только, что улов может оказаться ядовитым. Главным дегустатором был Цыган. Если он пожирал пойманную рыбу и просил добавки, то люди смело готовили из неё какое-нибудь блюдо.

* * *

Полмесяца путники двигались берегом моря, который вёл преимущественно в юго-восточном направлении. Каждое утро взваливали они на себя свой скarb и, овеваемые влажным морским воздухом, отмеряли километр за километром.

Море шумело от них справа. Слева непрерывной полосой тянулась холмистая равнина, за которой вздымались окутанные призрачной дымкой островерхие конусы гор. И чем дальше

от моря, тем выше становились горы. Самые же дальние из них поднимались так высоко, что макушки их были покрыты снежными складчатыми шаями.

Но в один прекрасный день, если можно так сказать применительно к этим людям, их скитаниям наступил конец.

Утром они искупались в море и, нагруженные имуществом, зашагали дальше по берегу. До вечера им предстояло пройти от места ночёвки несколько десятков километров. Однако ближе к полудню дорогу им преградил обширный водоём, далеко вдававшийся в цветущую зелень равнины. Чтобы обогнуть его, требовалось сделать немалый крюк. Уже вовсю припекало солнце, и они остановились на отдых.

До противоположного берега водоёма, а лучше сказать – залива, ибо он соединялся с морем длинной, слегка изогнутой горловиной, было около полутора километров. Ширина горловины была метров сто; затем, на выходе к морю, она наотмашь раздавалась влево и вправо. По обе стороны её громоздились высокие отвесные скалы, круто обрывавшиеся в море; приближаясь к заливу, они становились всё ниже и ниже и постепенно переходили в отложистые, покрытые травянистой растительностью берега с жёлтой каймой песка возле самой воды.

В двух сотнях метров от скал в залив впадал неширокий, перепрыгнуть можно, прозрачный ручей. Приблизившись к нему, отец с сыном освободились от поклажи и прильнули к воде, оказавшейся вкусной и прохладной.

Напившись, они собрали несколько охапок сушняка, подложили под него горящие угли из горшка, и, громко потрескивая, сушняк занялся ровным бездымным пламенем.

Цыган, очистив от птиц прилегающий берег залива, принялся за привычную для себя работу – добычу черепаших яиц. Люди же поймали черепаху и приготовили из неё суп.

На ужин Пётр Васильевич наловил рыбы, и они запекли её в золе. Проснувшись утром, Игорь вырезал дубину, позвал Цыгана и отправился исследовать равнину. Цыган рыскал во всех направлениях, принюхиваясь, мелкими частыми порциями втягивал в себя воздух, фыркал и не уставал рыть лапами землю. Птицы то и дело взлетали на пути их следования. Изловчившись, Игорь дубинкой подбил одну из них. По виду она напоминала куропатку, только была гораздо крупнее.

Вернувшись к стоянке, Игорь ощипал и выпотрошил её и, нанизав на клюку, поджарил над углями. Мясо птицы оказалось необыкновенно вкусным, и они оставили Цыгану только чисто обглоданные косточки.

В отсутствие Игоря Пётр Васильевич облазил скалы, соседствовавшие с ручьём, и обнаружил пещеру с удобными подступами к ней. Расположена она была достаточно высоко, поэтому морская вода не попадала в неё ни в шторм, ни во время прилива. Пещера была метров двенадцать длиной и до пяти метров шириной. В ней можно было стоять в полный рост, и, что было особенно важно, дым от костра, который они развели под каменным сводом недалеко от входа, шёл не в глубину её, а наружу.

Похвалив отца за столь замечательное открытие, Игорь предложил немедленно переселиться в неё, что и было сделано. Впервые за время скитаний у них была надёжная крыша над головой. Всю ночь шёл сильный дождь, а они жгли костёр, и в их пещере было тепло и сухо.

Неизвестно, какой здесь был климат до катастрофы. Но за те полмесяца, что они продвигались берегом моря, несколько раз пролились щедрые дожди. Травы наливались соками, равнина цвела и благоухала. Воздух звенел от насекомых и был наполнен пением и криками птиц. Не один раз в зарослях кустарника показывалась голова не то оленя, не то ещё какого-то травоядного животного. В заливе же вода кипела от играющей рыбы, берег был напичкан несметным количеством черепаших яиц, а скалы, нависшие над горловиной, были усеяны птичьими гнёздами.

Сперва они думали побыть у залива дня два-три, потом – с неделю. Но по истечении этой недели и залив, и прилегающая к нему равнина так им понравились, что они решили остаться здесь на неопределённо долгое время.

* * *

Особенно Игоря интересовала охота. Надо было только обзавестись более совершенным, чем дубина, оружием. Он вырезал подходящую ветвь и просушил её настолько, насколько посчитал нужным. От мешка из коровьей шкуры отрезал полосу в ладонь шириной, разрезал её на узкие ремешки и сплёл из них прочную тетиву. Лук был готов. Подыскав несколько тонких прямых веток, он ошкурил их, обрезал до нужной длины, приладил к ним наконечники из острых рыбьих костей и оперил птичьими перьями.

Вооружившись таким образом, он в сопровождении Цыгана отправился на охоту. В детстве стрельба из самодельного лука была одной из его любимых забав, поэтому кое-какой опыт в этом деле у него имелся. Сделав несколько пробных выстрелов, он убедился, что прежняя школа не совсем забыта.

Птицы, поднимаемые Цыганом, взлетали и уносились прочь. Игорь много раз спускал тетиву, но попасть влёт было непросто, и промах следовал за промахом. Иногда стрела всё же пролетала совсем близко от цели, и он надеялся рано или поздно добиться своего.

Ему повезло в тот же день. Он подстрелил птицу, похожую на небольшого индюка, а на обратном пути, уже на подходе к заливу – ещё одну, которая, по его мнению, была не чем иным, как перепёлкой. Время было к обеду. Пётр Васильевич собирался варить черепашьи яйца – больше в его распоряжении ничего не было, – и дичь, принесённая Игорем, оказалась весьма кстати.

Охота стала для него настоящей страстью. Он изготовил другой лук, более тугой. Стрелы стали лететь дальше, и убойная сила их возросла. Наступил день, когда ему удалось ранить какое-то парнокопытное животное размерами с молоденькую козочку. Непродолжительная погоня, ещё выстрел, и бездыханное тело распростёрлось на траве. При виде такого богатого трофея Пётр Васильевич только покачал головой.

Мясо по вкусу напоминало баранину. Обильная свежеприготовленная еда, недолгий послеполуденный сон, и, подхватив лук, Игорь вновь устремился в манившие его заросли равнины.

Пётр же Васильевич вернулся к туше животного. Отделив тянувшиеся вдоль позвоночника сухожилия, он повесил их для просушки. Когда они дошли до нужной кондиции, разъединил их на нитки и сплёл тетиву, которую потом и вручил сыну. Таким способом изготавливали тетивы для луков североамериканские индейцы, об этом он где-то читал. Тетива получилась прочной и не рвалась, хотя Игорь натягивал её изо всех сил.

Шкуру Пётр Васильевич выделал и сшил Игорю мягкую обувь, которую тот окрестил мокасинами; это название прижилось навсегда.

Как-то само собой у них произошло разделение труда. Пётр Васильевич в основном вращался поблизости от пещеры: готовил еду, собирал топливо, ловил рыбу, отыскивал птички и черепашьи яйца.

У них осталось несколько горстей семян пшеницы и подсолнечника. Большая часть их сохранила всхожесть. Пётр Васильевич подобрал подходящий участок недалеко от ручья, вспапал его, разровнял и разделил на две грядки. На одной посеял пшеницу, на другой – подсолнечник. Перед посевом замочил семена в воде. Из каждых десяти приблизительно семь дали ростки. Скоро участок зазеленел сильными, здоровыми всходами.

Посевы были особой заботой Петра Васильевича. Ни одного постороннего растения не было на его грядках. Помимо плетня они были окружены вскопанной защитной полосой, и потому отчётливо выделялись на фоне остального зелёного пространства.

Игорь же целыми днями пропадал на равнине. Он всё более искусно владел своим луком, и редко когда его стрела не попадала в цель. Он приносил с собой и птицу, и небольших парнокопытных, и мясо у них не переводилось. Шкуры шли на изготовление постельных принадлежностей, одежды, обуви, различных сумок и ремешков.

Та одежда, в которой они пришли к заливу, уже износилась. Взамен, освободив несколько шкур от ворса, они сшили из них штаны – короткие, выше колен, и куртки – с глубоким вырезом на груди, без рукавов и ворота. Головными уборами стали служить шапочки, пошитые на манер беретов. Одежда получилась лёгкой и удобной, она защищала наиболее уязвимые части тела и от палящих солнечных лучей, и от колючих зарослей, через которые нередко случалось пробираться.

Иногда, чтобы привнести в свою жизнь какое-то разнообразие, Игорь пропускал охоту и оставался с отцом, помогая ему «по хозяйству». Кашеварил вместе с ним, рыхлил и пропалывал посевы, подолгу плавал в заливе. Или лазил по отвесным, Птичьим, как они их называли, скалам, собирая яйца.

Бывало, и Петру Васильевичу наскучивало у пещеры.

– Завтра иду с тобой, – предупреждал он сына и отправлялся с ним в какой-нибудь дальний поход то на юг, то на север равнины. Игорь сделал лук и для него, и Пётр Васильевич не без удовольствия учился искусству стрельбы из этого оружия. Случалось, они уходили на два-три дня и, чтобы не потерять огонь, брали с собой горшок с горящими углями. Питались тем, что добывали на охоте. Порой им не везло, дичь куда-то исчезала, и они оставались без еды и сутки, и двое. Но жизнь на природе закалила их, и они легко переносили короткие периоды голодания.

Бывая на «той» стороне залива, они убедились, что дичи там ничуть не меньше, чем на «их» стороне. Наведывались они и в горы. Как-то, оставив внизу равнину, они вышли к обширным зарослям орешника, плоды которого были гораздо крупнее знакомых им лесных орехов. Пётр Васильевич сказал, что это фундук, питательная ценность которого очень высока. Ядрышки в скорлупках только начинали образовываться, поэтому было решено прийти сюда позже, когда орехи созреют.

Выждав несколько недель, они вновь поднялись в горы и вернулись с полными мешками. Фундук был настоящим лакомством, и отец с сыном продолжили его заготовку. К месту его произрастания было совершено не менее десяти вылазок, после чего Пётр Васильевич предложил это дело прекратить.

– Хватит и того, что у нас уже есть, – сказал он. Игорь не стал возражать – путь в горы был не близок и отнимал много времени. Да и посевы уже начали созревать, и надо было кому-то оберегать урожай от птиц и зверей.

* * *

Два дня Игорь охотился в районе залива, а на третий не выдержал и, свистнув Цыгану, отправился в сторону гор – он хотел исполнить один замысел. Добравшись до зарослей орешника, охотник повернул к поднимавшейся в сотне метров голой кособокой горе, и, пройдя немного вдоль обрывистого склона, остановился перед узкой расщелиной, которую заметил в одном из предыдущих походов. Проникнув в неё, он попал в небольшую округлую пещеру с низким сводом – приходилось даже сгибаться.

«Отличная кладовая», – сказал Игорь сам себе.

Наполнив орехами мешок, он перетаскивал их в облюбованное помещение. Они легко выщелучивались из своих гнездышек, и их можно было ссыпать готовенькими. Постель на ночь он устроил возле собранного урожая.

С восходом солнца Игорь был уже на ногах и с прежней неутомимостью продолжил работу. Ворох орехов становился всё выше и объёмнее. Отгородив камнями треть пещеры, он заполнил её по пояс. Этого было более чем достаточно. Отцу о тайнике он решил пока ничего не говорить – пусть потом это станет для него сюрпризом. Завалив вход в пещеру, Игорь устремился по тропе, ведущей к заливу.

Но этот день ему самому преподнёс приятный сюрприз. Проходя мимо орешника, юноша услышал странные звуки, похожие на чавканье. Подобравшись ближе, он увидел, как стадо свиней увлечённо роется под кустами в поисках корма. Их было несколько десятков, и взрослых, и совсем ещё детенышей. Игорь снял со спины лук и наложил на тетиву стрелу. Мгновение – и, тонко свистнув, стрела вонзилась в одну из свиней. Сделав несколько шагов, она повалилась на бок. Остальные бросились наутёк, и был слышен удаляющийся треск кустов.

Приблизившись, Игорь выдернул стрелу из тела своей жертвы. Это была свинка килограммов тридцати весом. Остро наточенный нож в одно движение обнажил её внутренности. Достав ещё горячее сердце, он отдал его собаке, а печень съел сам. Ему уже приходилось есть сырое мясо, и он находил, что это только на пользу здоровью. Вырезав лучшие куски, он уложил их в заплечный мешок и вновь пустился в путь. Спустя некоторое время Цыган нагнал его и, колыхая раздавшимися боками, лениво затрусил впереди.

Каждодневные многокилометровые переходы сделали Игоря чрезвычайно выносливым, и он передвигался, не чувствуя усталости. Нередко Цыган вынужден был прибавлять ходу, чтобы не оказаться позади молодого хозяина. Свежий воздух, чистая вода, простая здоровая пища, постоянные физические нагрузки наливали такой силой, о которой прежде нельзя было и мечтать. Ноша не тяготила. Игорь шёл, перепрыгивая с камня на камень, и улыбался при мысли о том, что скажет о его добыче отец.

Ручей, впадавший в залив, был пересечён уже после заката солнца. Пётр Васильевич встретил его у костра перед входом в пещеру.

– Где ты пропадал на этот раз? – спросил он. Его голос прозвучал ровно – ни тревоги, ни раздражения.

– Там, в горах, – Игорь неопределённо махнул рукой. – Посмотри, что я принёс, – развязав мешок, он достал куски мяса. – Отгадай, кого я подстрелил?

– Свинью?

– Точно. Их было целое стадо.

– Так много! – удивился Пётр Васильевич. – Может, поймать сколько-то и открыть свиноферму?

– Зачем она нам? – Игорь иронически улыбнулся. – Только лишние хлопоты. Дичь на каждом шагу, она едва ли не сама лезет в руки. И её становится всё больше. И птицы, и всё остальное только и знают, что плодятся и растут не по дням, а по часам. Я вот всё думаю и не могу понять, отчего это? Помнишь, как мы с тобой шли, пока не открыли эту равнину? Бывало, идёшь день за днём – и хоть бы суслика где увидеть.

– Может быть, – сказал Пётр Васильевич, – после землетрясения здесь возникли какие-то особые, более подходящие условия существования. Может, здесь было просто теплее, ну что-то вроде оазиса образовалось. Часть обитавших здесь животных сохранилась, сколько-то их могло прийти сюда из других мест, где оставаться дальше было невозможно. А сейчас везде море трав, вот они и жиреют.

– И хищных зверей, которые бы их укорачивали, нет. Не считая нас с тобой.

– Ну, мы им большого урона не нанесём. Много ли мы их выбиваем? Тысячную долю, и того нет.

– Да, конечно. И они, говорю, настолько не пуганы, что почти не боятся нас.

Игорь улыбнулся, вспомнив, каким точным оказался его выстрел в зарослях кустарника.

– Я вот ещё что заметил, – снова заговорил он – Помнишь берёзовую рощу возле Тихомирова? Как её измолотило! А здесь тот же орешник в горах стоит себе – и хоть бы что. Есть обломанные сучья и даже вырванные с корнем кусты, но в основном-то он сохранился.

– Орешник то сохранился, а ни одного живого человека нет.

– Да, ни одного, слабоват царь-то природы перед стихией оказался.

В тот вечер они приготовили из свинины шашлыки и с аппетитом ели новое кушанье.

– Вкусно, – еле ворочая языком, сказал Игорь. Прожевав, он зубами снял с клюки очередной кусок, остудил его во рту и снова энергично заработал челюстями. – Не хватает только соли.

– И уксуса, чтобы промариновать мясо, – подхватил Пётр Васильевич.

– И перца.

– Зато у нас полно дикого лука. Тоже приправа неплоха.

– Да, чего-чего, а лучка-то у нас хватает.

Отужинав, они сразу легли спать. Перед сном Игорь думал об оставленном в горах ореховом складе. а Пётр Васильевич – об одиночестве, на которое их обрекла судьба. Мысли, что на планете их осталось только двое, всё больше переходили в убеждение. Ему уже за сорок. Сколько при такой жизни он ещё протянет? Ну десять, пятнадцать, самое большее – двадцать лет. И тогда Игорь останется совсем один.

Пётр Васильевич затряс головой, отгоняя представившуюся картину. Он открыл глаза и прислушался к ровному дыханию сына. Спит, как сурок. Молодой, беззаботный, совсем не думает о завтрашнем дне. Да, может, так оно и лучше? Что толку тревожить себя? Все равно ничего изменить нельзя.

Долина гейзеров. Бристоль

Прошло три года. Пётр Васильевич и Игорь совершенно сроднились с заливом и окружающей его равниной и больше уже не помышляли идти куда-либо. Да и зачем? Это был тёплый, не знающий зимы благодатный край. В водах залива было полно рыбы. Равнина изобиловала вкусными питательными плодами. Тучные травы кишели живностью, и редкий день обходился без охотничьих трофеев.

Опустел лишь прилегавший к их жилищу прибрежный пятачок – из-за постоянного отстрела зверьё убралось подальше. Это было и к лучшему. Меньше стали повреждаться посевы, и отец с сыном дважды в год собирали вполне приличный урожай, которого хватало до следующей жатвы.

Зерна пшеницы они толкли в каменной ступе. Тесто для выпечки лепёшек сдабривали птичьими яйцами и жиром, который натапливали из сала свиней и других убитых ими животных. Некоторое время тому назад они обзавелись и солью. Она появилась у них вскоре после того, как Игорь, находясь далеко в горах, заметил у одного из отрогов похожих на коз парнокопытных, увлеченно лизавших какие-то камни. Не придав сперва этому значения, он прошёл мимо, сделав крюк, чтобы не вспугнуть их. Цыган, тоже заметивший коз, оскалил зубы и, подёргивая губами, вопросительно посмотрел на хозяина, тем самым приглашая его поохотиться. Но они были сыты, а без нужды Игорь никогда никого не убивал.

В другой раз он увидел там несколько оленей. Его заинтересовало, в чём тут дело, и он, не скрываясь, открыто направился в их сторону. При его приближении олени оторвались от своих камней и один за другим неторопливо потянулись к зеленовшему неподалёку лесочку. Игорь дал команду Цыгану, тот рванул вперёд, и величественное шествие превратилось в поспешное бегство.

Игорь внимательно осмотрел подножие кручи с нависшим над ним тяжёлым массивным карнизом. Что притягивало сюда животных? Судя по многочисленным отпечаткам копыт на наносах разрушенной породы и остаткам сухого помёта, они были здесь частыми гостями. А между тем ничего здесь не было такого... Не считая серых, выделявшихся на общем фоне выступов. Он наклонился и осторожно лизнул один из них. Это была каменная соль. Домой он принес её столько, сколько смог взвалить на себя. С тех пор соль у них не переводилась.

Ещё раньше они обзавелись уксусом, и не только им. Как-то раз для того, чтобы лучше ознакомиться с равниной, на которой они проживали, отец с сыном ушли километров на сто пятьдесят на юг. Туда двигались преимущественно берегом моря, а на обратном пути приняли ближе к горам. Когда до дома оставалось всего ничего, они вошли в рощу, состоявшую в основном из финиковых пальм. Плоды, которые они здесь нашли, были просто неподобны на вкус.

– Вот уж поедим, – сказали себе путешественники.

Однако после нескольких пригоршней они почувствовали, что переели, просахарились. Финики были как бы суперконцентратом питательных веществ и в небольшом количестве удовлетворяли потребности в них организма. Игорю показалось, что у него слиплось всё нутро. Петру Васильевичу тоже было не по себе.

– Пожадничали мы с тобой, – сказал Игорь, еле выговаривая слова. – Если я сейчас не напьюсь, то помру. Пойдём поищем воду.

Хорошо, что неподалёку от пальм протекал ручей. Он брал своё начало в горах и западнее рощи впадал в море. Отец с сыном напились, и вода быстро сняла неприятные симптомы.

Потом они не раз наведывались сюда и в достатке обеспечивали себя сладкими коричневыми плодами.

Из фиников Пётр Васильевич затеял брагу. Поставил он её во вместительном сосуде из обожжённой глины, отдалённо напоминавшем большой кувшин с узким горлышком. Сосуд не протекал, и его можно было плотно закупоривать деревянной затычкой.

– Амфора, – посмеивался мастер над своим гончарным изделием. По истечении трёх месяцев у него получилось превосходное вино, и они нет-нет да позволяли себе по стаканчику перед едой. Стаканы опять-таки были из обожжённой глины. Они заменили ими прохудившиеся эмалированные кружки – те самые, которые нашли когда-то в погибшей деревушке.

Ободрённый первыми успехами в виноделии, Пётр Васильевич затеял ещё двенадцать «амфор», и они рядами стояли в глубине пещеры.

Не дошла до кондиции эта партия вина, как кроме фиников у них появилось ещё одно сырьё. Километрах в пяти по ту сторону залива они обнаружили довольно обширный участок, сплошь заросший виноградом. Тяжёлые гроздья созрели, и оба с удовольствием лакомились сочными сладкими ягодами. Несомненно, прежде здесь была культурная плантация. Одну половину её занимал белый виноград, а другую – чёрный с сизым налётом. И тот и другой были хороши по-своему, и отец с сыном не знали, какому из них отдать предпочтение.

Урожай был необычайно богат, и его хватило бы на сто человек. Они решили насушить изюму и сколько-то винограда пустить на вино. Но где лучше развешивать гроздья для просушивания? Прямо на месте или возле пещеры? Во втором случае он был бы на глазах, его меньше повреждали бы птицы, да и в случае дождя можно было бы вовремя убрать под укрытие. С другой стороны, перетаскивать в такую даль сочные объёмные гроздья было довольно обременительно.

Поразмыслив, они сделали и так, и эдак. Большую часть доставленного к пещере винограда Пётр Васильевич переработал на вино – получилось шесть «амфор» белого и столько же – красного. Из остатков гроздьев был получен исключительно вкусный питательный изюм.

Но основная часть изюма дошла прямо на винограднике, благо стояла сухая ветреная погода, а повреждений от птиц было меньше, чем они предполагали. Отец с сыном принесли восемь больших корзин, наполненных с верхом, которые сплели специально для этой цели, и поставили их рядом с «амфорами». Изюма с лихвой должно было хватить не меньше чем на год. И всё же они не взяли и двадцатой доли того, что уродилось в винограднике.

Когда последняя корзина с изюмом была доставлена в пещеру, Игорь взял лук и стрелы и один, без Цыгана, ушёл на равнину. Обрато он явился на другой день. Лицо его было багровым и безобразно распухшим, под отёкшими веками не было видно глаз.

– Что с тобой? – всполошился Пётр Васильевич. – Ты заболел?

– Нет, не заболел. Просто попал в небольшую передрыгу. – Игорь раздвинул в улыбке раздувшиеся губы. – Может, отгадаешь, что со мной? Ты должен отгадать. Ага, слабо! Ну так вот – это пчёлы разукрасили меня. А теперь глянь сюда, – он достал из сумки нечто объёмное, завернутое в широкие пальмовые листья, развернул, и Пётр Васильевич увидел толстые пласты дикого сотового мёда, издававшего неповторимо божественный аромат.

– Откуда?! – воскликнул он, не веря своим глазам и с восторгом вдыхая ни с чем не сравнимую медвяную пахучесть.

– Из леса. Это далеко, у самых гор. Там ещё дупла с пчелиными гнёздами есть. Но с меня хватит. Пчелы так атаковали меня, что я чуть не свалился с дерева.

Вечером, покончив с зажаренным на вертеле фазаном, они отделили по куску мёда и ели его, запивая водой, принесённой из ручья.

Рассказ сына о пчелиных гнездах, бортях, как он их ещё называл, заинтересовал Петра Васильевича. Одно время в Тихомирове он держал с десятков пчелиных семей и имел определённые навыки обращения с ними. Он попросил сына сводить его в свой лес и показать места расселения диких пчел.

– Зачем тебе? Бортничеством хочешь заняться? – спросил сын.

– Не знаю, там видно будет, – ответил отец.

И, правда, он начал бортничать и три или четыре раза приносил в пещеру килограммов по пятнадцать-двадцать мёду. Пчёлы щадили его и почти не жалили, и он возвращался без особого ущерба для здоровья.

Дело обернулось тем, что, поймав несколько пчелиных роев, Пётр Васильевич обустроил самую настоящую пасеку. Но пчёлы содержались не в обычных ульях, какие были у него когда-то на огороде, а в колодных стояках – врытых одним концом в землю полых обрубках деревьев, оборудованных летком.

Пасека стояла рядом с посевами подсолнечника. Когда он зацветал, пчёлы брали нектар из его корзинок, раскрывшихся золотом, и мёд в это время тоже выходил светлого золотистого цвета.

На пасеке Пётр Васильевич просто млел от счастья, наблюдая за своими подопечными.

– Можно было бы и не разводить их, – говорил он сыну, показывая своё хозяйство, – мёду нам и из бортей бы хватало. Но это, понимаешь, для души, чтобы глаз радовало.

Иногда же, оказавшись один, он плакал, вспоминая свою старую огородную пасеку и связанное с ней былое. Тогда он залезал в стоявшие стеной посева подсолнечника и в одиночестве давал волю слезам.

Подсолнечник Пётр Васильевич сеял не только для того, чтобы лузгать семечки или чтобы пчёлы брали из него нектар – медоносных растений на равнине и так было предостаточно. Имея в своём распоряжении всего лишь топор и ножовку, он сумел смастерить специальный пресс для выжимки масла из подсолнечных семян. Переработав весь урожай, он получал не менее десяти литров первосортного продукта. А так как в течение года они собирали два урожая, то и масла в итоге получали в два раза больше. Они добавляли его в тесто при выпечке лепешек и в салаты из морской капусты, жарили на нем рыбу. Залив давал им добрую половину продуктов: рыба, крабы, кальмары, морская капуста не сходили со стола, и подсолнечного масла едва хватало. Чтобы использовать всю акваторию водоёма, они построили плот и ловили с него, двигаясь на вёслах или под парусом, сшитом из кож. К удочкам прибавились сети, связанные из волокон дикой конопли, и их уловы утроились и учетверились.

* * *

Жизнь людей, поселившихся у залива, протекала в сытости и однообразии. Петра Васильевича всё в ней устраивало.

– Как сыр в масле катаемся, – говорил он. – Я и не думал, что так может быть.

Игорь же, подстёгиваемый тягой к новым впечатлениям, всё чаще покидал отца и на сотни километров уходил то на юг, то на север равнины, то переваливал на другую сторону гор.

С собой он брал нож, топор, копьё с длинным, сделанным из клюки стальным наконечником, и лук со стрелами; из еды – лепёшки, финики, изюм, орехи, очищенные от скорлупы, и немного муки и мёда. Для воды у него имелся бурдюк, изготовленный из шкуры горной козы, который он наполнял из ручьёв и озёр, встречавшихся по пути.

В горах Игорь подобрал тяжёлые, словно литые камни – руду какого-то металла, которые при ударе друг о друга давали плотный сноп крупных горячих искр. Камни он называл кресалами. Пользуясь ими, охотник научился добывать огонь и при наличии топлива за считанные минуты разводил костер.

Бывало, он уходил на неделю, а то и на две. Пётр Васильевич мало беспокоился о нём. Игорь стал необычайно сильным и ловким парнем, способным преодолеть любую преграду, будь то отвесные скалы или бурный водный поток, и отец был уверен, что он не пропадёт. К тому же и на равнине, и в горах крупные хищники не водились и опасаться было некого.

Совсем недавно, правда, ночью его разбудило звериное песнопение, тоскливое и протяжное, исходившее откуда-то издалека и напомнившее ему вой волков. Но сколько он ни искал потом, никаких следов пребывания хищников так и не обнаружил. Да и откуда волки могли взяться? Впрочем, если бы даже они и появились, кругом столько дичи, что им было бы не до людей. В конце концов, волк против столь мощного бойца, каким стал его сын, это такая дребезга – не более чем дрофа против орла-беркута.

Однажды Игорь ушёл в горы, держа путь на северо-восток. Он пошёл один – Цыган провинился перед ним, ткнув носом жареную куропатку, которую Игорь приготовил для себя. Со стороны пса это была возмутительная наглость, и в качестве наказания он был оставлен под присмотром отца.

В середине дня, однако, охотник, поднявшись на холм, заметил за собой какую-то чёрную точку. Она была ещё у линии горизонта, но быстро смещалась в его направлении, вырастая в размерах. Вскоре он узнал в ней Цыгана. Здравствуй, ждали его! Это было явное нарушение приказа. Он разве забыл, где должен находиться?

А Цыган совсем уж рядом. Вот он замедлил бег и перешёл на шаг. По мере приближения он двигался всё медленнее и медленнее. Вот он поджал хвост, и радостно-возбуждённое выражение на его морде сменилось на виноватое. Последние метры он преодолевал почти ползком.

Что-то дрогнуло в душе Игоря.

«Сколько унижения, – подумал он, глядя на пса. – И всё только ради того, чтобы быть рядом со мной. И кто унижается-то? Друг, не раз спасавший мне жизнь. Зря я его так. Вины-то его фактически нет. Вот беда-то – ткнул носом куропатку! Надо было просто разделить её пополам и вместе с ним съесть».

Всё это промелькнуло у него в голове за долю секунды.

– Привет, Цыган! – крикнул он, всем своим видом показывая, как он рад своему приятелю. – Надоело тебе возле пещеры, со мной захотелось пойти? Ну и пошли!

Уловив перемену в настроении хозяина, Цыган мгновенно избавился от гнетущего чувства вины. Вскочив с земли, он радостно гавкнул, озорно подпрыгнул, промчался мимо Игоря, успев при этом толкнуть плечом его ногу, и побежал вперёд. Как ни в чём ни бывало, он принялся деловито обнюхивать всё, что ему ни попадалось, и ставить метки на каждом камне и каждом кусте.

Через трое суток они преодолели перевал и стали спускаться на горную равнину, контуры которой неопределённо проступали в зыбком волнующемся мареве. Спустя ещё неделю горы окончательно остались позади, и потянулась холмистая, покрытая скудной растительностью неведомая земля.

«Не фонтан», – думал Игорь, обозревая обрамлённые полынью каменистые возвышенности и песчаные барханы. Климат здесь, несомненно, был жарче и суше, чем у моря.

Но и в этой пустынной местности нет-нет да попадались и сочная трава, и древесная растительность. В какой-нибудь низине сказочным видением вырастали вдруг в дрожащем воздухе зелёные острова, и Игорь ускорял бег, чтобы укрыться от палящего зноя под молодыми тенистыми кронами.

Возле таких островков Игорь чаще всего и останавливался на ночлег. В них он находил и воду, и топливо для костра, и дичь, которую можно было приготовить на ужин. Быстро темнело небо. Вспыхивали яркие россыпи мерцающих звёзд, и бесконечное пространство суживалось до крохотного кружка, в центре которого шевелились оранжевые языки пламени над горящими углями. И ни души на тысячи километров вокруг – только он да Цыган с его преданным взглядом. Но ему не было ни страшно, ни тоскливо. Он привык к одиночеству и не замечал его. Ступив в первобытное состояние, он стал заодно с природой, и она не пугала его.

* * *

На шестнадцатый день пути Игорь расположился на очередную стоянку, развёл костёр и стал разделывать оленя, которого подстрелил незадолго до этого. Цыган лежал рядом и ждал своей доли от добычи. Внезапно он насторожился, вскинул голову, прислушиваясь к чему-то, и, издав утробное рычание и вздыбив шерсть на загривке, бросился в сгущающиеся сумерки.

Оставив оленя, Игорь взял лук и колчан со стрелами и двинулся в направлении, в котором скрылся Цыган. Он шёл не следом за ним, а делая крюк, придерживаясь подветренной стороны.

Огибая невысокий, лишённый растительности холм, он услышал за ним разноголосое рычание и на мгновение замер, чтобы понять, что там происходит. В голосе Цыгана не было ни вражды, ни охотничьего азарта, скорее в нём звучали нотки любезности и восторга. Ему вторил другой, чужой голос, кто-то там ещё рычал, снисходительно и тревожно.

Сделав ещё несколько шагов, Игорь выглянул из-за склона холма и увидел Цыгана, а с ним... ещё одну собаку, чёрную и лохматую, но бесхвостую, с торчащими вверх подрезанными ушами. Размерами она не уступала Цыгану, пожалуй, была даже немного крупнее его. Они уже не столько рычали, сколько повизгивали от удовольствия общения друг с другом, имитировали атаки и боком, с оглядкой, отпрыгивали в сторону, приглашая следовать за собой. Цыган норовил обнюхать незнакомку, но та ловко уклонялась от него, а когда он становился особенно назойлив, негодуяще рычала и запускала зубы в шкуру наглеца, проверяя её на прочность.

Игорь притаился, наблюдая за игрой, которую его четвероногий друг затеял со своей неведомо откуда взявшейся соплеменницей. Судя по всему, бесхвостая была породистой собакой, но названия этой породы он никак не мог вспомнить.

«Ах ты, бедная моя, – жалостливо прошептал Игорь, – как же ты жила одна все эти годы»? А если не одна, а с кем-нибудь?

Он испугался своего предположения, оно показалось ему слишком неправдоподобным, он уже почувствовал за ним горечь разочарования. Отгоняя лезущий в голову вздор и ничем не выдавая своего присутствия, молодой человек продолжал наблюдать за собаками. Одновременно он охватывал и весь остальной пейзаж и, оценивая степень прозрачности опускающегося ночного флёра, прикидывал, далеко ли видны из низины отблески оставленного им костра.

Он ждал. Сумерки ещё стусились. Ночь полновластно вступала в свои права. Но острое зрение позволяло Игорю различать собак, резвившихся во тьме.

Вдруг нечто необычное, проникшее сквозь тишину уже уснувшей пустыни, заставило его затаить дыхание. Он повернулся к купам небольшого леса, темневшим на фоне неба. На опушке его, клином оттянувшейся к голой степи, на тыльной её стороне, кто-то передвигался, оттуда доносился шорох чьих-то шагов. Он отказывался верить самому себе. Но нет, он не мог ошибиться: несомненно, там шёл человек.

Игорь облизал пересохшие губы. Он почувствовал, как сильно забилось сердце. Человек ещё был скрыт деревьями, но шаги приближались, он слышал их всё отчётливее. Голос, внезапно прозвучавший в ночи, привёл его в состояние оцепенения. Это был крик, причём женский, мягкий, певучий. Из какофонии звуков Игорь различил лишь много раз повторявшиеся слова «Сильва» и «ком хир».

В памяти всплыли куцые обрывки знаний из школьной программы, и Игорь понял, что говорили по-немецки. Собаку подзывали к себе, и «Сильва» была её кличка.

Вот в темноте показались очертания чьей-то фигуры; она придвигалась всё ближе, и наконец, к великому своему изумлению, Игорь разглядел в ней девушку. На ней были какие-то немыслимые лохмотья, отдалённо напоминавшие юбку и кофточку и едва прикрывавшие бёдра, грудь и плечи.

Увидев, что Сильва не одна, девушка ахнула и замерла на полушаге. Но в ещё большее замешательство её привело зарево костра. Она пригнулась и, не отрывая глаз от мерцающих бликов, подалась назад. Она скрылась было уже в ночи, но любопытство, видимо, взяло верх. Игорь увидел, как после минутной нерешительности девушка медленно, крадучись, двинулась к месту его стоянки. По-прежнему держась подветренной стороны, Игорь скользнул в том же направлении.

Ближе к костру девушка ещё замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась, внимательно вглядываясь в освещённый заревом круг. Должно быть, она высматривала людей. Вот ещё несколько шагов, и свет пламени отчётливо обрисовал её силуэт. Белокурые волосы обрамляли лицо, черты которого, несмотря на суровость, не были лишены очарования. Девушка была рослая, не ниже Игоря, и, очевидно, довольно сильная физически. Ему бросилась в глаза её странная худоба.

Заметив у костра освежёванную оленью тушу, девушка порывисто шагнула к ней и снова остановилась. Она поняла, что поблизости кто-то есть и наблюдает за ней. Она повернулась, чтобы бежать, но Игорь шагнул ей навстречу, преграждая дорогу. Девушка вскрикнула и, оглянувшись на костёр, метнулась в сторону, в спасительную тьму. Однако он был начеку и успел схватить её за руку. Она попыталась ударить его, но он перехватил и вторую руку.

– Мэдхен, шён мэдхен! Девочка, прекрасная девочка! – торопливо заговорил он, удерживая её. Чтобы успокоить девушку, он старался говорить как можно нежнее, но он сам волновался, и помимо воли голос его дрожал и срывался. – Их нихт шлехт, их гут. Зи – гут, их – гут. Фройндшафт, фройндшафт, мэдхен! Я не плохой, я хороший. Вы – хорошая, я – хороший. Дружба, дружба, девочка!

Услышав человеческую речь, девушка широко распахнула глаза, и слабая недоверчивая улыбка коснулась её губ. Она перестала вырываться и что-то быстро затараторила. В быстротечном обилии слов Игорь уловил лишь «шпрехен зи дойч». Он догадался – девушка спрашивает, говорит ли он по-немецки.

– Я, я, – закивал Игорь. – Их шпрехе дойч. Их зер шлехт шпрехе дойч. Я говорю по-немецки, только плохо.

Он отпустил её руки. Девушка на шаг отступила от него, и Игорь понял, что она уже не собирается спасаться бегством, хотя страх перед ним всё ещё держал её в напряжении. Она мерила его глазами, и в них отражалась вся сложная гамма её переживаний. Но вот взгляд её вернулся к туше оленя, и девушка снова о чём-то заговорила, жестикулируя руками.

Расслышав слово «эссен», Игорь понял, что она хочет есть. Он развязал мешок, достал из него лепёшку, испечённую накануне, и пригоршню фиников и протянул девушке. Взяв и то и другое, она с жадностью набросилась на еду.

«Проголодалась, сердечная, – подумал Игорь. – Ишь, как отощала». Отхватив изрядный шматок от задней части туши, он разрезал его на мелкие кусочки и, плотно нанизав их на заострённый прут, стал жарить над углями.

Когда мясо было готово, он подал его девушке, развязал кисет с солью и тоже поставил перед ней. Ему было забавно видеть, как она впивается зубами в сочную волокнистую мякоть, как жуёт и проглатывает, как мило встряхивает головой, устраняя падавшие на лицо непослушные пряди волос. Какие у неё большие серые глаза, какие длинные ресницы. Губы же выпачкались жиром и мелкими обуглившимися крошками. Но от этого они показались ему ещё прелестнее. Первый голод был утолён, она ела уже без спешки и с едва уловимой долей изящности.

Вспомнив об Игоре, девушка протянула мясо и ему. Взяв один кусочек, он съел его и показал жестом, что больше не хочет.

Обе собаки, забыв про игры, вплотную приблизились к костру. Игорь бросил им требуху. Сильва схватила то, что ей причиталось, и, злобно зарывчав, исчезла в темноте. Цыган по при-

вычке расположился рядом с людьми и без особого энтузиазма принялся за предложенное. Обычно ему доставался корм получше, но в этот раз Игорь решил оленину приберечь.

Пока девушка управлялась с первой порцией, он поджаривал вторую и, закончив, опять с поклоном протянул ей. Благодарная улыбка осветила её лицо. Произнеся нечто похожее на «данке шён», то есть «большое спасибо», она приняла угощение, но в этот момент далеко в темноте, со стороны леса, откуда появилась эта белокурая, раздались крики. Кричали на совершенно незнакомом языке, и Игорь разобрал только слово «Марта».

Едва раздались голоса, девушка вскочила на ноги, снова что-то затараторила и, обращаясь к Игорю, пригласила его следовать за собой.

Из всего многозвучия её слов и разнообразия жестов, Игорь понял – там находятся люди, с которыми она пришла в эту местность, и они её разыскивают. И ещё он понял, что она хотела бы его с ними познакомить.

Тоже жестами и немногочисленными словами Игорь объяснил, что не сможет её сопровождать. Он показал на оленью тушу, на собак и дал понять – оставлять мясо нельзя, собаки попортят его. И вообще он считает, что пойти туда, к ним, значит оказаться в полной зависимости от них, а он бы этого не хотел.

Она рассмеялась над его опасениями и спросила, можно ли ещё кому-нибудь из её товарищей подойти к костру. Игорь сказал, да, можно, он будет только рад им.

Позвав Сильву, которая уже проглотила свою часть требухи, девушка скрылась в темноте, а Игорь отрезал большой кусок мяса и приготовил его для поджаривания. После чего отдалился от костра ровно настолько, чтобы его не было видно, и спрятался за большим камнем.

Прошло немного времени, и в той части степи, куда убежала девушка, послышались характерные звуки шагов, сопровождаемые шорохом трав и сухим похрустыванием почвы, негромкий говор, и к костру приблизились двое: давешняя знакомая и мужчина лет сорока. Он тоже был необычайно худ, глаза его печально и устало смотрели на огонь. Рваная куртка из овчины висела на его плечах, как на вешалке. Вместо штанов на нём были короткие шорты тоже из овчины, но подпоясанные настоящим ремнём с металлической пряжкой. Лицо его показалось Игорю открытым и вызывало доверие.

Увидев опустевший бивуак у костра, девушка недоумённо пожала плечами и что-то сказала своему спутнику.

– Эгей! А-лэ-о! – крикнула она, вглядываясь в темноту. Не дождавшись ответа, она опять заговорила с мужчиной; тот покивал головой и бросил оценивающий взгляд на натюрморт из оленьей туши и находившихся рядом походных вещей. Белокурая сложила ладони рупором, и громкий голос улетел в ночную мглу призывной песней сирены. У Игоря отложились слова «вир», то есть «мы», и «фройндшафт», то есть «дружба». Только что то же самое он говорил девушке.

Он узнал достаточно. Поднявшись из-за камня, Игорь пересёк черту, отделявшую освещённый круг от пространства, зашторенного непроницаемой тьмой, и оказался лицом к лицу с новоприбывшим. Мужчина оживлённо поприветствовал его и протянул руку. Они поздоровались. Игорь широким жестом предложил им располагаться у костра. Он уже догадался, что мужчина тоже голоден, поэтому достал из мешка ещё одну лепёшку и финики и предложил незнакомцу. Тот отломил кусочек лепёшки, положил его в рот и стал неторопливо жевать, а всё остальное спрятал в сумку, висевшую у него через плечо.

Ткнув себя в грудь, незнакомец сказал:

– Джон Уиллис. Инглиш мэн, – показал на девушку и сказал: – Марта. Дойче, – после этого он ткнул пальцем в Игоря. Тот назвал своё имя и сказал, что он русский.

– Игорь. Рашен, – повторил Джон Уиллис. – Зер гут, – добавил он по-немецки.

Игорь взял мясо, нанизанное на прут, чтобы поместить его над углями, и знаками сообщил гостям, что оно предназначено для них. Но Уиллис отрицательно покачал головой и энер-

гично заговорил, показывая в сторону роши. Не понимая, в чём дело, Игорь вопросительно уставился на него и развёл руками. Тогда девушка остановила мужчину и, отгибая пальцы, медленно, отчётливо проговаривая слова, сообщила Игорю, что кроме них двоих за рошей находятся ещё одиннадцать человек, что все они голодны и что, в отличие от Игоря, у них нет огня.

Улыбнувшись во всю ширь лица, Игорь понимающе закивал головой и, всё так же помогая себе жестами, сказал, что оленью тушу они разделят на всех. Пусть спутники Марты и Джона придут к костру, он, Игорь, с нетерпением ждёт встречи с ними.

Марта хотела было сорваться с места, чтобы бежать за остальными, но Уиллис велел ей остаться и сказал, что сам приведёт их.

Попросив девушку заняться поджариванием мяса, Игорь вынул из мешка имевшуюся у него провизию: четыре пшеничные лепёшки, несколько пригоршней фиников и изюма, с полсотни ядрышков фундука и немного мёда, оставшегося на дне глиняного горшочка. Поместив всё это на кожаной подстилке, он приступил к разделке оставшейся части оленя.

Долго никто не появлялся. Марта стала уже проявлять признаки беспокойства, когда в отдалении послышались приглушённые голоса. К костру подошла группа людей, ведомая Джоном Уиллисом. Игорь с чувством волнения поздоровался с ними и попросил размещаться, где кому будет удобно.

Кроме Марты и Джона среди них было шесть женщин в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет и двое мужчин. Одному из них, высокому, с жёлтыми волосами, можно было дать около сорока. Другому, приземистому, рыжему, было года тридцать два.

Рядом с женщинами держались трое детей: две девочки и один мальчик. Девочкам было годика по три, а мальчику – года полтора-два. Все они – и взрослые, и дети – были до крайности истощены. Голодные глаза не в силах были оторваться от кушаний, видневшихся возле костра.

Прежде всего их надо было накормить. Предложив Уиллису заняться распределением еды, Игорь стал помогать Марте готовить мясо.

Примерно за час до полуночи с олениной и всеми остальными припасами, имевшимися у Игоря, было покончено. Сам он съел только небольшой кусок мяса, чтобы иметь силы на завтрашний день. Кости пошли Цыгану и Сильве, которые терпеливо ждали за спинами людей.

Непривычно плотная трапеза сделала своё дело: у детей, а за ними и у взрослых стали слипаться глаза, и они один за другим погрузились в беспробудный сон. Только Марта и Уиллис ещё бодрствовали.

Уиллис с помощью Марты стал спрашивать Игоря, как ему одному удаётся выживать в такой пустынной местности. Мешая русские и немецкие слова, Игорь рассказал, что он не один, а вдвоём с отцом, фатером, и живут они не здесь, а далеко отсюда на берегу моря. Климат там исключительно благоприятный, места, где они обосновались, изобилуют и зверем, и птицей, и рыбой, и там полно всяких фруктов и другой растительной пищи.

Словом, если бы они пошли с ним туда, то еды там хватило бы на всех.

Не отвечая на его приглашение, Уиллис молча слушал то, что переводила на английский Марта, и лишь изредка просил уточнить некоторые моменты. Несколько раз он задавал дополнительные вопросы. Спросил он и какое сегодня число.

– Мы потеряли счёт дням, – пояснил он.

– 25 августа, – ответил Игорь.

– Значит, мы шли почти два месяца, – произнес Уиллис.

Но вот силы покинули и его, и Марту, и оба они тоже уснули.

Подложив в костёр сучьев, Игорь подождал, пока они разгорятся, и вгляделся в лица людей, с которыми наконец ему посчастливилось встретиться. Все мужчины были безбородыми. Лишь у одного, у рыжего, была заметна суточная щетина, а двое других были тщательно выбриты.

А у него лицо, он уж и не помнил с каких пор, заросло тёмной с медным отливом бородой. Он потербил её пальцами, ощущая знакомую курчавость. У Игоря борода была небольшая, а у его отца – как хорошее помело. Лишь когда она начинала мешать в работе, Пётр Васильевич вспоминал о ней и нещадно обстригал ножницами.

Игорь всё пробовал на ощупь жёсткий курчавый волос. Не борода ли испугала Марту, когда она увидела его в первый раз?

* * *

Утром, едва развиднелось, он поднялся со своего ложа и, дав знак Цыгану следовать за ним, отправился на поиски добычи. На этот раз он подстрелил животное, которое называл джейраном.

Когда охотник вернулся к стоянке, все ещё спали. Положив на угли сухие сучья, он раздул пламя и принялся за разделку туши. Первой проснулась Марта. Она улыбнулась ему и предложила свои услуги. Вдвоём дело пошло быстрее, и вскоре запах жареного мяса подействовал на спящих людей – они зашевелились и стали один за другим подниматься.

По завершении завтрака Джон Уиллис передал своим спутникам рассказ Игоря о равнине, расположенной за горами, и о его приглашении в эту волшебную плодородную страну. Ответом были радостные восклицания и дружное согласие следовать за их новым товарищем.

Непродолжительные сборы, и, покинув стоянку, небольшой отряд потянулся по седой от полыни местности. Сон и значительные порции еды прибавили сил, лица посвежели, все оживлённо переговаривались и смеялись. Игорь ловил на себе признательные взгляды и едва успевал расплачиваться ободряющими приветливыми улыбками. Ему передалось общее настроение приподнятости, и это было ново для него, так как давно уже им владели одни только охотничьи инстинкты.

Скрылась, исчезла из глаз низина, в которой состоялась долгожданная встреча, за ней растаял в неверной дымке и зелёный островок леска.

Незаметно утренняя прохлада сменилась нестерпимым зноем, солнечные лучи, недавно ещё нежные, превратились в не знающие пощады мучительные жала. Горячий ветер иссушал тела, и от дефицита влаги спекалось во рту. На смену оживлению пришла усталость, и люди приумолкли, сосредоточившись на тяготах пути. Игорь пустил по кругу бурдюк с водой и получил его обратно наполовину опустевшим. Дети напились вволю, женщины сделали по десять крупных глотков, а мужчины – по три. Игорь ограничился тем, что смочил губы.

Его озабочивала низкая скорость передвижения. Пустыня же превращалась в подобие жаровни. Как бы люди не начали падать прежде, чем доберутся до места отдыха.

Часа через полтора он пустил бурдюк по второму кругу. Мужчины были особенно измучены, и он грубо, без церемоний сказал Уиллису, чтобы они «не валяли дурака» и пили наравне с женщинами. Детей не ограничивали и на этот раз, взрослые же сделали по восемь крупных глотков. Игорю досталось всего лишь несколько капель, но он чувствовал в себе ещё много сил и ещё долго мог обходиться без еды и питья. Остальные помимо воды нуждались и в пище. Поэтому он не забывал об охоте и, улучив момент, отрывался от отряда в надежде выследить какую-нибудь дичь. Но раскалённая пустыня словно вымерла.

В полдень слева по ходу движения обозначилась зелёная роща, вознесённая над горизонтом восходящими воздушными потоками. Игорь подумал, что это мираж, но роща не исчезала и, постепенно приземляясь, принимала реальные очертания. Он показал на неё сомлевшему от жары Уиллису и знаками объяснил, что надо прибавить шагу, иначе солнце и ветер доконают их среди этих голых холмов.

Обессиленные спутники Игоря повалились в тени первых деревьев. Он же, сопровождаемый собаками, не останавливаясь, вошёл в чащу и вскоре набрёл на глубокий родник с бегу-

щим из него ручьём. Через некоторое расстояние ручей, сужаясь, исчезал между узловатых сплетений корней, но влаги, которую он нёс с собой и которая распространялась затем подземным путём, хватало, чтобы древесная растительность грудилась вокруг него в радиусе двух-трех сотен метров.

На опушку Игорь возвратился с полным бурдюком. Он с состраданием смотрел, как жадно поглощают воду пересохшие уста. Первым, как самый маленький, напился мальчик, за ним – девочки. Затем наступил черед женщин.

От Марты бурдюк принял желтоволосый Свенсен, от него – рыжий О’Брайен. Наконец он оказался в руках Уиллиса. Игорь приготовился увидеть, как англичанин будет взахлёб глотать оставшуюся воду. Но Уиллис протянул бурдюк ему. Такой самоотверженности Игорь никак не ожидал. Приложив руку к груди, он отказался и дал понять, что вволю напился из родника. Только убедившись, что он говорит правду, Уиллис стал пить сам.

«Это, я понимаю, старшой, – думал Игорь, глядя, как Уиллис пьёт, запрокинув голову. – Всех накормить, всех напоить, потом уж самому. На такого можно положиться, за таким – хоть в огонь и воду».

Взяв у Уиллиса опустевший бурдюк, Игорь ещё раз сходил за водой, затем ещё. Люди пили и пили, спасая себя от обезвоживания. Но уже не так жадны и многочисленны глотки, уже нет первоначальной торопливости. Вот появились улыбки, пошёл говор, постепенно людьми овладевало благодушное настроение. Пили уже не из-за жажды, а для удовольствия. Марта потрепала за холку Сильву и погладила расположившегося рядом Цыгана – эти друзья напился из ручья ещё раньше Игоря и лежали теперь, вывалив языки и часто дыша. В пути собак не поили, и под конец их рвало из-за нехватки воды в организме.

Наконец бурдюк, не осушенный и на треть, прислонили к стволу дерева.

Тогда Игорь отправился на новые поиски, и ему снова повезло – он наткнулся на место, где произрастал какой-то кустарник с множеством продолговатых, уже созревших орехов. Ему доводилось пробовать такие – они были слегка горьковатыми, но вполне съедобными и питательными. Он принёс и высыпал их целый ворох. Вода оживила людей, и они принялись за доставленную еду. Спустя некоторое время все были сами в состоянии и дойти до ручья, и заниматься сбором лесных даров.

Подкрепившись орехами, Уиллис и его спутники настолько пришли в себя, что были готовы продолжить путь. Во второй половине дня Игорь подстрелил фазана и газель, и когда остановились на ночлег, у них было из чего приготовить ужин. Поблизости со стороны гор бежал ручей, и все не только напился, но и искупались, освежив себя после длинного изнурительного перехода.

Так они шли день за днём. Наконец пустыня осталась позади, раскалённый воздух сменился влажным горным зефиром, а полынь – сочной травой и роскошными молодыми лесами, теснившимися в неглубоких распадках и забиравшимися по склонам высоко вверх. Дичи попадалось всё больше, и Игорь стал приносить всё более богатую добычу, которой хватало и людям, и собакам.

Инициативу в приготовлении еды перехватили женщины, и вечерами свободные от работы Игорь и Уиллис, сидя у костра, вели между собой нескончаемые разговоры. По-русски Уиллис не знал ни слова, а Игорь по-английски мог произнести только «ай лав ю» и «хау ду ю ду», то есть «я вас люблю» и «как вы поживаете». Поэтому переводчиком у них была Марта, которая кое-как изъяснялась с Игорем по-немецки. Постепенно он узнал всё, что произошло с Уиллисом и его спутниками во время и после вселенской катастрофы.

* * *

...Они следовали по маршруту Лондон – Вена – Бангкок, столица Таиланда. В Вене в числе нескольких других пассажиров на борт самолёта поднялась и семья Марты. И вот они снова в воздухе, в комфортных условиях, в предвкушении красочной тайской экзотики.

Авиалайнер пролетал над восточной частью Средиземного моря, впереди, далеко внизу, уже забурели размытые расстоянием контуры суши, когда, в общем-то совершенно случайно, был сделан радиоперехват об астероиде, приближающемся к Земле. Человек, сидевший у радиопередатчика, сообщал, что до столкновения осталось семь минут, потом – пять.

– Что будем делать? – спросил командира экипажа второй пилот Свенсен, швед, тот самый высокий молчаливый мужчина с жёлтыми волосами, который шёл теперь вместе с Уиллисом и другими. – Может быть, сделаем запрос?

– Чушь какая-то, – пожал плечами командир. – Ничего не будем делать. Не будем смешить людей. Продолжим полёт.

А неизвестный у радиопередатчика не унимался.

– До столкновения осталось три минуты, – передал он каким-то холодным потусторонним голосом. Лишь эта его неестественная тональность настораживала, а суть слов воспринималась не более чем обычный розыгрыш.

– Вот чудик, как старается, – командир покачал головой и усмехнулся. – Если было бы что-то серьёзное, нас бы предупредили.

– До столкновения осталось сорок... тридцать секунд, – неслись в эфире слова неизвестного. – Нам всем осталось только попрощаться друг с другом! – торопливо выкрикнул он фразу, диссонансом выбившуюся из его однообразного отрешённого монолога.

– Сейчас наступит конец света, – пошутил командир, но его никто не поддержал.

– До столкновения осталось десять секунд, – передавал неизвестный. Видимо, он решил сыграть свою роль до конца. – Семь, шесть, пять, четыре...

Что-то всё же в этом голосе было такое, отчего все, кто слышал его, внутренне напряглись и с замиранием сердца ждали окончания представления.

– Три, две секунды, – несло в эфире, – одна, прощайте, земляне!!!

Всё так же спокойно, монотонно пели свою песню двигатели, и авиалайнер всё так же уверенно держался на курсе. Прошло ещё немного времени, и ничего не изменилось, ровным счётом ничего. Командир с улыбкой повернулся к другим членам экипажа.

– Вот шельма, а? Надо же придумать – астероид!

И тут произошёл сбой в навигационной системе; с ней стало твориться что-то такое... Что-то непонятное началось и на земле, и в атмосфере.

Море осталось позади, под ними проплывал какой-то город. И вдруг создалось впечатление, что землю встряхнуло – города не стало, а над местом, где он только что стоял, вспухло огромное серое облако. Серой пеленою застило всё внизу; видимость быстро ухудшалась и наверху, небо помутнело, солнце померкло, и они влетели во тьму. С навигационной системой продолжало твориться невообразимое, и, как со слов Марты понял Игорь, экипаж потерял всякое представление о местонахождении авиалайнера и направлении его движения.

Мощный нестерпимый гул, исторгнувшийся, казалось, из сердцевины земли, обрушился на сознание людей, повергая их в состояние полной невменяемости. Внезапный шквал смял спокойную до того атмосферу, яростные воюющие вихри подхватили самолёт и, играя им, понесли, потащили в какой-то крошечный ад. Началась ужасная болтанка, самолёт швыряло вверх и вниз, он должен был сразу же разрушиться и исчезнуть в этом аду, но почему-то не разрушался и вновь и вновь возвращался на прежнюю высоту. Двигатели работали, и пилоты в полубоморочном состоянии стремились удержать авиалайнер от штопора. Большинство пас-

сажиров без чувств лежали в креслах. Лишь единицы сохраняли присутствие духа и как-то ещё пытались осмыслить происходящее.

Время шло. Ураган неистовствовал, но конструкции самолёта выдерживали его удары. Свенсен переглянулся с командиром и встретил его напряжённый и одновременно торжествующий взгляд – у них зародилась надежда, что всё обойдётся. Очередная воздушная яма, однако, оказалась последней. Самолёт задрал нос, повалился набок, и его неудержимо потащило вниз. Пилоты делали отчаянные усилия, чтобы избежать падения, но всё было напрасно. Находившиеся в сознании пассажиры поняли, что развязка близка, и, вжавшись в кресла, закрыли глаза.

Самолёт ударило о поверхность какого-то озера, протащило по волнам и выбросило на пологий берег.

От пыли было темно, как ночью. Самолёт разгерметизировался, пыль проникала в салоны, и нечем было дышать. За бортом ревело, подземные толчки вытрясали души, и всё же это были лишь слабые отголоски того, что происходило в районе падения каких-нибудь полчаса назад.

Когда толчки прекратились и люди стали приходить в себя, обнаружилось, что половина пассажиров и экипажа погибли и на борту искореженного авиалайнера полно раненых.

Мёртвых перенесли в один из салонов, раненым была оказана посильная медицинская помощь. Командир экипажа поведал о необычном радиоперехвате и высказал предположение, что столкновение астероида с Землёй действительно произошло.

– Боюсь, – заключил он, – у спасательных служб много работы и им сейчас не до нас. Не исключено, что какое-то время нам придётся полагаться только на собственные силы.

В числе погибших были и родители Марты, и четырнадцатилетняя девочка осталась одна среди незнакомых людей.

Территория, прилегавшая к озеру, представляла собой долину гейзеров, окружённую горами. Земля курилась и бурлила. Здесь и там из её недр вырывались струи пара и фонтаны горячей воды. Переувлажнённый воздух был насыщен запахом серы. Они словно попали на поверхность плоского вулкана. Пар и термальные воды, несомненно, имели недавнее происхождение. Некоторые гейзеры образовались посреди искалеченных садов, и струи пара обжигали ещё не помертвевшие до конца листья финиковых пальм, персиковых и других плодовых деревьев.

Вскоре после падения самолёта на долину гейзеров обрушился небывалый грязеподобный ливень, который затем перешёл в сильный непрекращающийся дождь, сопровождаемый ураганными порывами ветра. По земле побежали бурные потоки воды, озеро вышло из берегов и поднялось выше отметки, на которой находился самолёт, нижние его отсеки оказались затопленными.

Когда буря немного утихла, несколько человек под началом Свенсена отправились на поиски какого-нибудь населённого пункта.

Вернулись они через трое суток. Везде, где бы они ни были, земля представляла собой сплошной лунный ландшафт.

– Этой долине ещё повезло, – сказал в своём докладе Свенсен. – В других местах мы вообще не нашли ничего, что напоминало бы о деятельности человека. Не осталось даже развалин домов, абсолютно ничего.

– Ты забыл о посевах риса, – сказал ирландец О’Брайен, который тоже был в поисковой группе.

– О посевах?... Ах да, конечно! Мы видели клочок земли с прибитыми колосьями. А может, это и не рис был, а что-то другое.

Дождь шёл ещё несколько суток, а когда он прекратился и серая мгла немного развеялась, пережившие аварию увидели, что горы, окружавшие долину и озеро, оделись глубокими

серыми снегами. Все перевалы были завалены, в первых же сугробах проваливались по пояс, и преодолеть их не было никакой возможности. В горах властвовал холод, а в долине, согреваемой многочисленными горячими источниками, было сравнительно тепло и можно было обходиться летней одеждой.

Стало ясно, что заперты они здесь надолго. Погибших отнесли повыше от уровня озера и похоронили ещё во время затяжного дождя. Вскоре умерли многие раненые, и их отправили на тот же погост. Трое покончили с собой. Двое сошли с ума, и их век тоже был недолог.

* * *

Первые месяцы были самыми тяжёлыми. На психику давило осознание непоправимости случившейся трагедии. Мучил голод. Питались в основном падалицей, которую отыскивали под обломками садов. Большинство плодов были испорчены, и употребление их в пищу не проходило бесследно. Желудочно-кишечные расстройства были обычным явлением. За полгода умерли все пожилые и дети. Хоронили едва ли не каждый день.

Из подростков выжила одна Марта – сильная выносливая девочка, недавняя горнолыжница. Неутомимая добытчица, она шестым чувством определяла, где может иметься что-нибудь съедобное, находила, ела сама и подкармливала других, менее удачливых.

В конце концов в живых остался только тридцать один человек. Это были исключительно крепкие, здоровые люди, стойко переносившие любые невзгоды.

Сперва жили в фюзеляже самолёта. Позже построили конусообразные шалаши. Их называли вигвамами, а место поселения – стойбищем.

В начале весны следующего года холода в горах, окружавших долину, пошли на убыль. В апреле морозы сменились оттепелями, стало выглядывать солнце, побежали ручьи, снега стали отступать. Первыми от них освободились южные склоны, за ними горные перевалы, а за ними всё остальное.

Путь был открыт, и в стойбище только и говорили, как связаться с внешним миром. Прошлым летом поиски велись к северу от долины. На этот раз было решено попытать счастья на юге. В южном направлении было пройдено километров двести пятьдесят – никаких следов пребывания человека. Когда группа поисковиков вернулась ни с чем, отправили другую – на запад. И снова всё было напрасно.

Посоветовавшись всем миром, снарядили ещё одну экспедицию, которая двинулась в обход озера на восток. Как и все предыдущие экспедиции, её возглавил Свенсен. У него уже был опыт преодоления труднодоступных местностей, он был вынослив и мог, не повышая голоса, добиваться выполнения своих приказаний. Его спутниками в этот раз были двое пассажиров: рыжий Фергюссон – энергичный подвижный малый и флегматичный плотный и сильный коротышка Рейли.

В путь трогались ещё до восхода солнца, а на ночь располагались, когда послезакатное небо начинало меркнуть. В течение дня делали два привала. Чтобы не заблудиться на обратном пути, оставляли за собой памятные знаки из камней, собранных в небольшие пирамиды. Не слишком-то полагаясь на них, Свенсен чертил карту маршрута на светлой внутренней стороне дермантина, который вырезал в одном из отсеков самолёта. На этой карте он обозначал все мало-мальски заметные особенности рельефа местности, все перевалы и ущелья, которые им довелось преодолевать. Вместо карандашей командир разведчиков использовал кусочки древесного угля.

В дорогу им выделили небольшой запас сухофруктов – примерно по полкилограмма на каждого – и по две пластиковые литровые бутылки с водой.

Карту и остальные принадлежавшие ему походные вещи Свенсен поместил в свой самодельный рюкзак. При нем находились и сухофрукты, которые он выдавал по несколько штук,

когда останавливались на ночлег. Рейли и Фергюссон съедали всё сразу. Свенсен половину своей доли оставлял на завтрак. Если бы не травы, которые они поедали и при переходах, и на стоянках, на сухофруктах долго бы они не протянули. Однажды им попалась большая двухметровая змея. Они убили её камнями. Фергюссон сказал, что не помнит, как она называется, но знает – мясо её съедобно. Будучи в Юго-Восточной Азии, он видел, как их там готовят.

– Отличное кушанье, – сказал он, – надо только к нему привыкнуть.

Змею зажарили на углях, разделили на три равные части и съели всю, не оставив даже кожу.

На другой день они наткнулись на птичье гнездо, в котором лежали три яйца. Яйца были крупнее голубиных, но мельче куриных. Они оказались свежими, и их сразу же выпили.

Потом каждый поймал по несколько особей бескрылой саранчи, так называемые акриды; все их съели живём, без остатка.

На девятый день пути сухофрукты закончились и Рейли и Фергюссон заявили о необходимости возвращения в стойбище.

– А с чем мы придём? – возразил им Свенсен. – Что мы узнали, что открыли? Нам скажут: вы просто прогулялись туда-сюда, съев понапрасну провизию, собранную с таким трудом.

– Мы узнали, что земля разрушена, – в свою очередь возразили ему. – Разрушена везде, где мы ни побывали. Следы человека стёрты с её поверхности. То же самое было и в предыдущие экспедиции. Нас не в чем упрекнуть, и никто не посмеет это сделать.

– Всегда найдётся в чём упрекнуть, – сказал Свенсен. – Но дело не в этом. Нельзя исключать, что земли, которые мы прошли, не были обитаемы и до землетрясения. Пусть у нас не осталось еды, всё равно мы должны дойти до какого-нибудь города или селения. Мы устали, нам тяжело, очень тяжело. Но подумайте, что произойдёт, если мы всё же выйдем к людям? Может, в других местах разрушения не так велики, и нам помогут вернуться к нашим семьям! Ради этого я готов преодолеть любые трудности.

Последний довод подействовал. Прекратив разговоры о возвращении, участники экспедиции возобновили движение на восток.

Они шли ещё два дня.

...Был полдень. Было жарко. Они вышли из раскалённого каньона на открытое пространство, продуваемое ветрами. От жары и слабости темнело в глазах, и потому они не заметили необычные, геометрически правильные каменные россыпи, лежавшие на некотором расстоянии справа от них. Поддерживая друг друга, измученные люди дотащились до какого-то озера, расположенного в неглубокой ложине. Берега его зеленели травой и молодым кустарником, похожим на ивняк.

Они напились, прямо в одежде окунулись с головой в воду и, выбравшись на берег, растянулись на траве.

Рейли и Фергюссон мгновенно уснули, а Свенсен не мог сомкнуть глаз. Каньон, в котором не было ни одного растения и ни капли воды, едва их не угробил. Мучила мысль, что это он, настояв на продолжении поисков, поставил под угрозу жизнь своих товарищей. Рейли и Фергюссон истощены до предела и не могут больше двигаться. Да и ему каждый шаг даётся с великим трудом. О том, чтобы идти дальше, нечего и думать. Повернуть назад? Но в том состоянии, в каком они сейчас находятся, каньон им не пройти. Он посмотрел на спящих спутников. Ах, если бы он их послушался! До долины гейзеров было бы уже рукой подать. В тех местах вода на каждом шагу и много съедобных растений. Здесь же... Вода – вот она, а что касается еды...

Свенсен поднялся и оглядел прилегающую местность. На западе, откуда они пришли, находился каньон с его отвесными неприступными скалами. Севернее, в нескольких километрах от озера, скалы сменялись чередой волнообразных возвышенностей. Ещё дальше поднимались, подпирая небо, горы, которые тянулись на восток и где-то там пропадали во мгле.

Южнее озера обзор закрывал полого поднимавшийся пригорок, а что за ним – Свенсен никак не мог припомнить, хотя что-то они там видели, когда выходили из каньона.

Оставив спящих товарищей, он пересёк ложбину, перевалил через пригорок, переправился через овраг с чистым прозрачным ручьём, обогнул лишённый растительности крутой косогор и незаметно для себя углубился в своего рода коридор, по обеим сторонам которого возвышались груды щебня. Миновав его, Свенсен вышел на покрытое наносной землей пространство с редкой колючей травой и свернул в ещё один коридор, где щебня было ещё больше. Завалы его перегораживали проход, и через них приходилось пробираться с риском сломать ноги.

Он бы не скоро догадался, что оказался среди развалин большого города, если бы не почтовый ящик, лежавший среди камней. Обозначенные щебнем коридоры – и первый, и тот, в котором он сейчас находился, – были не что иное, как развалины городских улиц.

Свенсен склонился над ящиком и, поворачивая его с боку на бок, заглянул в открытое днище. Он надеялся увидеть почтовые отправления – адрес на них мог бы подсказать название города и местность, где они находились. Но ящик был пуст. Оставив его, Свенсен взобрался на груды щебня.

Развалины тянулись на многие километры на юг, запад и восток. Стихия перепахала город вдоль и поперёк. Это было какое-то месиво, состоявшее из земной породы и обломков домов. Кое-где земные недра поглотили целые кварталы и на их месте виднелись голые гранитные утёсы, соседствовавшие с высокими, в рост человека, зарослями бурьяна.

Свенсен прошёл до конца улицу, где нашёл почтовый ящик, свернул в переулок, обозначенный всё теми же грудками каменных россыпей, вышел ещё на одну улицу, потом ещё на одну и здесь увидел стены домов. Одни из них едва возвышались над фундаментом, другие поднимались до уровня второго этажа.

Медленно перебираясь через завалы, Свенсен обходил один дом за другим. Внутренние перекрытия в большинстве из них рухнули, и за фасадами домов виднелись лишь нагромождения балок, покорёженных бетонных плит и других строительных конструкций. Уцелело лишь три или четыре помещения на первом этаже, и Свенсен не преминул их тщательно обследовать. Потолки и стены в них были повреждены, но казались достаточно прочными, и он надеялся, что его не придавит. На полу – осколки оконного стекла, отвалившаяся штукатурка, обломки кирпичей, разбитая люстра, опрокинутый столик, сломанный стул, какие-то доски с остатками полировки, расколотый пополам шкаф с кипами слипшихся почерневших бумаг, плоский монитор компьютера – ничего, что могло бы представлять интерес.

Он проник ещё в одно помещение. Большая часть потолка в нём рухнула, а остальная просела и еле держалась. По уходящей под завал барменской стойке у задней стены, опрокинутым столикам, стульям и битой стеклянной и фарфоровой посуде Свенсен понял, что здесь был бар или какое-то кафе.

За стойкой под обломками полок и разным хламом он откопал несколько десятков банок с консервированными продуктами, среди которых были сосиски, тушёная говядина, печёночный паштет, сардины, лосось, морская капуста, сгущённое молоко, мармелад, быстрорастворимый кофе. Судя по всему, помещение затопляло водой, и продукты, заключённые в менее надёжную упаковку, пришли в полную негодность. Наверно, под завалом было ещё много чего, что могло бы им пригодиться, но голыми руками его было не разобрать.

Под конец Свенсен нашёл бутылку с золотисто-коричневым напитком. Этикетка на ней отсутствовала. Он отвинтил пробку и пролил несколько капель на язык. Это был коньяк, и довольно неплохой. В углу возле завала стоял бочонок из светлого металла, в каких обычно держали пиво. Рядом с бочкой валялся специальный пробочный ключ. Несколько оборотов, и из отверстия бочки побежала, пузырясь, пышная пенистая гирлянда. Ноздри уловили знакомый запах. Слегка наклонив бочку, Свенсен приложил к отверстию и сделал несколько

плотков. Это было пиво – крепкое, отличного качества. Подобное он пил в одном из пражских баров, будучи проездом в чешской столице.

Среди битой посуды Свенсену попало несколько пластмассовых стаканчиков и одна пивная кружка с отбитой ручкой. Отчистив кружку от грязи, он наполнил её пивом, подождал, пока немного спадёт пена, подул, освобождая местечко для губ, и медленно выпил до дна. «Отличное пиво, – снова подумал Свенсен. – Если бы оно ещё было охлаждённым».

Свенсен был крупный мужчина. Однако он был истощён, а пиво было крепкое. Он почувствовал, как благородный напиток ударил в голову, покачнулся и, чтобы не упасть, привалился к стойке. Минут через пять воздействие алкоголя ослабло и к нему вернулась способность совершать координированные движения.

Погрузив в рюкзак несколько банок с продуктами, Свенсен поспешил к озеру, где они остановились на отдых.

Рейли и Фергюссон уже проснулись и, сидя под кустом, молча встретили его появление. Свенсен поставил перед ними рюкзак и сел напротив.

– Мы думали – ты нас бросил, – задушенно просипел Фергюссон, не спуская со Свенсена подозрительных глаз.

– Плохо, значит, вы обо мне думали.

– Гм, плохо! А чего ты хотел? Завёл нас чёрт знает куда и скрылся. Чтобы, так сказать, не видеть результатов трудов своих. Ты ведь крепче нас оказался. Вот мы и подумали: рванул, наверное, назад к стойбищу.

– Перестань, слышишь, ты, – укоризненно произнёс Рейли и улыбнулся Свенсену. – Ты же видишь – он вернулся.

– Ну и что, что вернулся! – провалившиеся глаза Фергюссона зло заблестели. – Долго ли ему снова уйти? Ты, что ли, его остановишь, доходяга ты этакий? – Фергюссон обречённо махнул рукой. – А, что со Свенсеном, что без него, всё равно подышать.

– А вот в этом, дружок, ты глубоко заблуждаешься. Подышать никому не придётся, – с этими словами Свенсен выложил из рюкзака три банки морской капусты, банку сардин и банку кофе, после чего поставил перед ними бутылку со спиртным.

– Не пойму, – вытаращив глаза, сказал Рейли, – это сон или что? Скажите мне, пожалуйста, я вижу всё это во сне или наяву?

– Наяву, конечно. – Свенсен улыбнулся. – На, возьми вот эту банку с морской капустой и открой её.

– Улоф, Улли, дорогой! – воскликнул Фергюссон, обращаясь к Свенсену по имени. – Это еда! Ты спас нас от голодной смерти!

– И, правда, мы думали, нам конец, – сказал Рейли и покачал головой, как бы осуждая самого себя. – Но кто тебе дал всё это?

– Кто?.. – Свенсен показал рукой на косогор, за которым он побывал. – Там находится то, ради чего мы сюда пришли.

– Там город? – с придыханием спросил Рейли. – Эти консервы дали его жители?

– Там одни лишь развалины, – сказал Свенсен и в нескольких словах рассказал о сделанном им открытии.

Рейли и Фергюссон упрекнули его, сказав, что еды он мог бы принести и побольше. Свенсен ответил, что боялся, как бы после длительного голодания они не объелись и не умерли, и что консервы, находящиеся в полуразрушенном доме, никуда не денутся.

– Да, никуда не денутся, конечно! – сказал Фергюссон. – Если только не обвалится потолок дома. Вот будут они у меня под боком, тогда я буду спокоен.

На первое они съели морскую капусту. Потом разделили на троих банку сардин. Зачерпнув глиняным горшком воды в озере, Свенсен поставил его на огонь и, дождавшись, когда вскипит, приготовил кофе. У них имелись глиняные кружки, но Свенсен разлил кофе по пласт-

массовым стаканчикам, которые принёс с собой. В каждый он добавил по несколько капель спиртного.

– Что это за отравка? – спросил Фергюссон и, взяв бутылку, стал разглядывать её на свет.

– Осторожно, не пролей, – предупредил Свенсен. – Это коньяк. Я уже пробовал его. Превосходный напиток.

После еды Рейли и Фергюссона снова неудержимо потянуло ко сну. На этот раз уснул и Свенсен. Проспав больше часа, они поднялись и ещё раз искупались в озере. Рейли и Фергюссон приободрились, глаза их засветились живым огнём.

– Хватит прохлаждаться, – сказал Фергюссон, широко улыбаясь. – Веди нас, Улоф, к своему знаменитому бару. Мне не терпится попробовать пива и закусить сосисками.

Ночь они провели у костра под окнами разрушенных домов. Деревя в окружающих развалинах хватало, и они натащали его на три ночи. На ужин Свенсен выдал каждому по две банки морской капусты и по банке печёночного паштета. И позволил выпить по кружке пива. Сам он пить отказался, сказав, что свою долю уже выпил. Рейли и Фергюссон не настаивали.

– Пусть не пьёт, нам больше достанется, – сказал Фергюссон, растягивая в улыбке рот.

Крепкое пиво сделало своё дело – Рейли заметно опьянел. Он сидел у костра, безучастно глядя на огонь, и, покачиваясь из стороны в сторону, невнятно, комкая слова, напевал:

Садись в мой корабль,
Буря прошла, и скоро ночь.
Куда ты спешишь?
Совсем один от нас плывёшь.
Кто тебя спасёт,
Когда опять потянет вниз?

– Пир во время чумы, – сказал, кивая на Рейли, ухмыляющийся Фергюссон. Он посмотрел по сторонам. – Везде одни развалины. Сколько под ними покойников? Сотни тысяч? Миллионы? Мы сидим, словно на кладбище, и... пьянствуем. Вон, – он снова кивнул на Рейли, – напоролся, как глухая свинья, и хрюкает.

Мельком взглянув на Фергюссона, Свенсен убедился, что и тот тоже изрядно во хмелю.

– Ложись-ка ты спать, дружок, – сказал он, положив руку ему на плечо. – Завтра нам придётся немало походить.

На другой день первое, что они сделали, это вынесли под открытое небо все консервы и выкатили бочонок с пивом, так как опасались обвала всё ещё державшейся на месте части потолка.

На завтрак съели по банке сосисок и выпили по две кружки пива.

– Ну вот, теперь я снова в силе, – сказал Рейли, поглаживая себя по животу. – Теперь я готов пройти хоть сто километров.

– Ещё бы не пройти, – ухмыльнулся Фергюссон и, взяв в руки пустую банку, прочитал сделанную на ней надпись: – Нетто тысяча граммов. Если отбросить бульон, то чистого мяса наберётся граммов восемьсот. После такой еды тебе, Рейли, не идти, а бегом бежать надо. Но что касается меня, то я бы ещё одну баночку не прочь одолеть. Да вот босс, – он кивнул на Свенсена, – боится, как бы мы с тобой не растолстели.

– Нет, это не потому он не разрешает съесть лишнего, – возразил Рейли и провёл Фергюссону по рёбрам. – Он просто знает, что на этих костях жир никогда не образуется в силу физиологических особенностей организма. Поэтому он не хочет понапрасну переводить добро в... сам знаешь во что.

– Ты хочешь сказать, что тебе-то лишняя порция сосисок пошла бы на пользу?

– Я ничего не хочу сказать. Того, что я съел, мне пока достаточно. И ещё я знаю, – он показал на пирамиду консервированных продуктов, – мой пай от меня не уйдёт.

Слушая их болтовню, Свенсен добродушно улыбался. Его товарищей было не узнать: если вчера они выглядели высохшими мумиями, то сегодня томились от избытка энергии.

За несколько дней Свенсен и его спутники облазили весь город. Они искали живых людей, но нашли лишь с полсотни человеческих трупов, большинство из которых были страшно изуродованы обломками зданий.

В последний день поисков в восточной части города участники экспедиции набрали ещё на одну улицу с возвышавшимися среди руин стенами нижних этажей. К представшему перед ними виду они отнеслись довольно равнодушно, так как заранее уже знали, что никто не выйдет им навстречу. И не ошиблись. Внутри стен были сплошные тысячетонные завалы из камней и плит.

– Ну хватит, всё понятно, – сказал Фергюссон, опускаясь на кусок бетонной плиты. – Ты же видишь, Улоф, – здесь никого нет. Надо возвращаться в стойбище. Тем более что и продуктов осталось не так уж много. А нам ой-ё-ёй, сколько надо пройти, чтобы добраться до своих.

– Возвращаться так возвращаться, – сказал Свенсен, сев рядом с Фергюссоном. – Я вот о чём всё думаю. Мы ведь находимся на юге, где-то в районе субтропиков. И мы помним, какая здесь была зима. Нас спасла долина гейзеров с её термальными водами. А чуть ближе к горам, даже на самых нижних их склонах, такие начинались морозы! Что же тогда творилось в северных широтах, а?

– Не знаю, – сказал Фергюссон. – Что-то ужасное, наверно. Арктика с Антарктикой, никак не меньше.

Разговаривая, они посматривали на Рейли, который ушёл вперёд их; он всё удалялся, то скрываясь за грудami щебня, то поднимаясь на них. Вот он снова исчез, и его не было видно минут пять, а потом он появился и замахал им рукой, подзывая к себе.

– Эгей, сюда, ко мне! – услышали они его голос. – Я тут кое-что нашёл!

Они со всех ног бросились в его сторону, а Рейли, убедившись, что они услышали его и приближаются, сбежал с завала и исчез за ним. Поднявшись на то место, где он находился минуту назад, Свенсен и Фергюссон увидели, что он стоит у одной из стен, у оконного проёма, и заглядывает в него. Оглянувшись на них, Рейли в очередной раз махнул им рукой, приглашая за собой, перешагнул через подоконник и скрылся в проёме окна. Они поторопились присоединиться к своему товарищу.

В углу помещения, в котором оказались участники разведывательной экспедиции, на подстилке, состоявшей из груды разной одежды, лежали, обнявшись, три мертвеца: мужчина, женщина и между ними маленький ребёнок, мальчик или девочка – трудно было понять.

Выбитые окна и дверь помещения были изнутри завешены плотными шторами. Посреди, на полу, стоял чайник. Рядом с ним на жаровне, сложенной из камней, сохранилась горка слежавшейся золы. По другую сторону жаровни на бумажной салфетке лежали две вилки и столовый нож с тупым округлым концом.

– Эти пережили землетрясение, – сказал Рейли, глядя на мертвецов. – Пережили, чтобы затем умереть от холода и голода. Вот пострадали-то, наверно, бедняги.

О своих страданиях коротышка Рейли в этот момент забыл. Они выбрались наружу под открытое небо. Покидая помещение, Фергюссон прихватил с собой и нож, и вилки, и чайник.

– Нехорошо забирать у мёртвых, – сказал он, разглядывая найденные предметы при солнечном свете, – но что делать – для нас это такое подспорье.

Последнюю ночь провели на берегу озера. На ужин разогрели сосиски. Перед тем как приняться за еду, Свенсен разлил по стаканам остатки коньяка. Выпили, помянув прощальным словом город и его жителей.

Утром они напились из озера и двинулись к каньону. Страшновато им было вступать в его теснины, но они успокаивали себя тем, что на этот раз идут полные сил и с солидными запасами питья и продовольствия. Трёхлитровый чайник был наполнен водой, а пластиковые бутылки – пивом.

Каньон встретил их хмурыми сумеречными тенями, но по мере того как солнце поднималось, в нём становилось всё светлее. Наконец солнечные лучи заглянули в его каменную утробу, и уже через полчаса стало жарко, точно в плавильной печи. Терпели, пока перед глазами не поплыли красные круги. Остановились, напились воды. Каждый выпил по три стаканчика. Потащились дальше на запад. Чайник был наполнен ещё наполовину.

Примерно через час допили остальную воду. К еде не прикасались – после неё пить хотелось бы сильнее.

Ещё через час принялись за пиво. Каждый пил из своей бутылки. Солнце медленно двигалось следом, постепенно нагоняя их. Вот оно поравнялось с ними и так же медленно стало уходить вперёд, опускаясь к скальным зубцам.

На выходе из каньона, у западной его оконечности, все бутылки были пусты. Но солнце уже скрылось за далёкой холмистой грядой, стало прохладнее, и разведчики нашли в себе силы ускорить движение. Немного дальше на запад протекал ручей, и они торопились подойти к нему до наступления темноты. Не успели ещё звёзды высыпаться на небе, как люди услышали шум воды, вырывающейся из ущелья. Ещё несколько шагов – и они на берегу стремительного горного потока. Напились, отлежались, после чего принялись за еду.

За двое суток до прихода в долину гейзеров доели последнюю банку консервов. Затем основой питания опять стал подножный корм, быстро превративший их в те самые ходячие скелеты, какими они отправились в экспедицию.

* * *

Стойбище в скорбном молчании выслушало рассказ о погибшем городе. Чайник, пивная кружка, столовый нож, вилки и пластмассовые стаканчики, выставленные на всеобщее обозрение, лишь подчёркивали масштабы случившегося. Людей пронизало понимание, что катастрофа, постигшая человеческую цивилизацию, ещё ужаснее, чем они предполагали. Надежда, что их найдут и всё наладится и пойдёт, как прежде, окончательно исчезла. В долине гейзеров им предстояло остаться на долгие годы, а то и навсегда.

Чаша, на дне которой она лежала, тянулась километров на тридцать пять с севера на юг. В южной части ширина долины достигала километров двадцати, а на севере, где находилось стойбище, её сужало, прижимая к горам, уже упоминавшееся озеро. Горы были видны с любой точки долины. С севера, запада и юга они были равно удалены от неё, а на северо-востоке отходили километров на пятнадцать – на то расстояние, которое было между берегами озера. Горы были не так уж высоки. По мнению Марты, а она знала толк в горах, самые высокие пики едва ли превышали две тысячи метров.

Так получилось, что отару из примерно сотни овец они обнаружили только через год с лишним после аварии, уже после возвращения последней экспедиции Свенсена. Похоже, прежде в этих краях, кроме всего прочего, занимались и овцеводством. До землетрясения отара была более многочисленной, но происшедшая катастрофа сократила и её. Об этом говорили повреждённые скелеты животных с сохранившимися на них клочьями шерсти и полусгнившими лоскутами шкур, разорванными птицами и зверями.

В отаре было несколько баранов. Рядом со взрослыми матками паслось десятка полтора разновозрастных ягнят – и ярочки, и барашки. Одним из них было несколько месяцев, другим – несколько дней. Ещё сколько-то маток были суягными. Животные легче людей перенесли воздействие катаклизмов и при первой же возможности возобновили продолжение рода.

Марта, а именно она вышла на овец, известила стойбище, и все ринулись устраивать облаву. Было много крика и суматохи, отара же одичала и не подпускала к себе. Но люди были голодны и потому – настойчивы. Проявляя по ходу дела смекалку, они сначала изловили одну овцу, за ней вторую...

И вот уже задымились костры и запахло жареным. Куски мяса поворачивали на самодельных вертелах так, чтобы не подгорало и ничего не пропало. В деловом гомоне различались беспокойные голоса, напоминавшие, что надо делить по справедливости.

Так и поступили: когда мясо было готово, его разделили по жребию, и никто не остался в обиде. Некоторые, получив заветный кусок, забирались в какое-нибудь укрытие или просто отходили в сторону и поглощали свою трапезу в полном уединении. Большинство же усаживались вокруг догоравших костров. Совместное «застолье», одобренное радостным блеском глаз и восторженными возгласами, только усиливало наслаждение, доставляемое обильной, вкусной едой. В эти минуты пережившие аварию чувствовали себя почти счастливыми.

Целый месяц они были с мясом, но потом спохватились и, прекратив истребление отары, устроили загоны и стали за ней ухаживать. Численность овец стала возрастать, и со временем у стойбища вновь появились и мясо, и шкуры, и шерсть, а также молоко, из которого научились изготавливать сыр. Через четыре года отара, считая молодняк, увеличилась до тысячи овец. Она уже полностью удовлетворяла потребности людей в перечисленных выше продуктах, и те благословляли день, подаривший им этих животных. На забой шли нагулявшие изрядный вес валухи и старые матки, потерявшие продуктивность. Всех ярочек оставляли на расширенное воспроизводство отары.

В самом стойбище тоже произошло прибавление. Многие стали жить супружескими парами, и у них появились дети. Джон Уиллис был врачом-терапевтом. В своей прежней практике, однако, он, случалось, и оперировал, и принимал роды. Поэтому акушерское дело не было для него тайной за семью печатями. Всё происходило без осложнений, и он помог появиться на свет шести мальчикам и пяти девочкам.

В распоряжении стойбища было несколько столовых ножей и одна финка, обнаруженная в багаже погибшего пассажира. Ещё нашлось десятка два зажигалок. Сперва ими пользовались почём зря, прикуривая сигареты, потом горючее в них стали экономить.

Исходя из такого набора производственных инструментов стойбище в основном занималось содержанием овец и сбором плодов. Большинство плодов сушили, и они не кончались до следующего урожая.

Как по заказу, весной, с наступлением тепла, гейзеры свою деятельность прекратили, и термальные воды ушли в глубь земли. На меньшей части площади, на которой были плодовые насаждения – а вся она занимала гектаров четыреста – вновь зазеленели сады, а большая – была пущена под пастбища.

* * *

...Игорь слушал повествование Уиллиса в переводе Марты и сам подолгу рассказывал о злоключениях, выпавших на их с отцом долю. Узнав о зимовке в трюме баржи, Уиллис произнёс одну единственную фразу:

– Это чудо, что вы выжили.

– А разве не чудо, что вы тоже остались в живых? – в унисон ему ответил Игорь. – У нас были надёжное укрытие, рыба, зерно, топливо, а вы что имели?

Обоим хотелось выговориться. Едва умолкал Игорь, продолжал делиться воспоминаниями Уиллис. Нередко он перескакивал с одного события на другое или возвращался к начальному периоду жизни в долине, дополняя его новыми деталями.

Когда после землетрясения окрестные горы стали покрываться снегами, в долину переселились все уцелевшие в этой местности птицы и звери. Некоторые мужчины занялись охотой, используя дубины и камни. Но животные чувствовали опасность и держались на расстоянии, а охотники были неопытны и потому обычно возвращались ни с чем. Были попытки метать камни с помощью пращей, но они летели куда угодно, только не в цель. И лишь с изготовлением луков и стрел удача сначала редко, а потом всё чаще стала сопутствовать и в этом промысле.

Но что для тридцати человек значила птица размером с перепёлку или зверёк не больше зайца, которых тот или иной охотник приносил один раз за два-три дня? А бывало, и не приносил, а, поддавшись искушению, съедал добычу сырой, едва она оказывалась у него в руках.

В разгар голода, ещё до обнаружения отары, к людям прибился неведомо откуда взявшийся годовалый щенок ризеншнауцер. Его хотели съесть, но Марта, у ног которой он искал защиту, взяла дубину и пообещала попотчевать ею каждого, кто дотронется до собаки хоть пальцем.

Марта была истощена меньше других, выглядела она воинственно, и связываться с ней было опасно. Мнения разделились. Одни предлагали оставить собаку в покое, другие продолжали настаивать на том, что её надо съесть, иначе не выжить им самим.

Несколько мужчин приблизились к Марте, чтобы отнять у неё щенка. Вечно скуливший о еде высокий, тонкий, как жердь, Фергюссон быстро наклонился и ухватил его за шкуру. Ризеншнауцер, однако, проявил характер. Ловко извернувшись, он впился ему в ногу, а Марта огрела дубиной по рукам. Завопив от боли, Фергюссон с проклятиями покатился по земле.

Поднялась буря возмущения. Кто-то крикнул, что девчонка совсем обнаглела и её надо проучить. В руках у наступавших мужчин появились палки. Дело принимало дурной оборот, но тут вмешался Джексон, командир экипажа авиалайнера.

– Всё, довольно! – решительным тоном сказал он, вставая рядом с Мартой. – На собаку пусть никто не зарится. Она будет жить! Поверьте мне, она нам ещё пригодится, – его лицо искривила презрительная гримаса. – Постыдитесь! Вы думаете, она, – он обнял Марту за плечи, – не хочет есть? Хочет, да ещё как! Она ещё ребёнок, ей надо расти, и в пище она нуждается больше вас. Однако она не набросилась на существо, которое пришло к нам, спасаясь от одиночества, – и мгновенно смягчившись, улыбнулся Марте: – Ты её как-то уже назвала?

– Да, Сильвой. Потому что это девочка.

– Красивое имя. Я думаю, Сильва всем нам станет надёжным другом.

Джексон как в воду глядел. Собака стала неизменным помощником на охоте. С её участием добычу стали приносить почти каждый день. Самым лучшим образом она проявила себя и при пастьбе овец. Чабаны только давали указания, а она выполняла всю работу, направляя отары, куда требовалось. Прodelывала она это с большим желанием. Обегая отару, она обычно ограничивалась лаем и лишь самых бестолковых потчевала весьма чувствительными покусываниями.

Прошло время. От длительного употребления столовые ножи сточились или сломались. Их заменили заострёнными камнями, которыми стали разделявать туши животных, обрубать ветви деревьев для изготовления оружия и разных черенов и рукояток. Используя как мотыги, камнями рыхлили землю в приствольном круге плодовых деревьев.

Как и Пётр Васильевич с Игорем, в стойбище изготавливали посуду из обожжённой глины и шили кожаную одежду. Из овечьей шерсти валяли войлок, который применяли для утепления вигвамов и в качестве половиков. Среди женщин нашлась мастерица, умеющая прясть и вязать. Это ремесло у неё переняли другие, и на многих появилась довольно удобная шерстяная одежда ручной вязки. В зависимости от толщины нити и способа вязки такая

одежда могла быть плотной и тёплой, хорошо защищавшей от холода, или, наоборот, тонкой, лёгкой, почти невесомой.

Люди накапливали опыт возделывания плодовых насаждений, и урожаи в садах неуклонно возрастали. Финики, сушёный инжир, курага из персиков и абрикосов не переводились. Фрукты, свежее мясо, овечий сыр стали основой питания. Есть стали досыта, а голод первых месяцев ушёл в область преданий. Жизнь наладилась и устоялась, и ничто не предвещало новой беды.

А она не замедлила нагрянуть. Однажды ночью в спящее стойбище ворвались какие-то воинственные люди и захватили его. Сделать это было несложно. У переживших аварию прежде не было врагов, поэтому они не выставляли часовых и не высылали дозоры.

Нападавших было несколько десятков, они имели дикий вид и отличались крайней жестокостью. Предварительно они окружили селение со всех сторон. Условленный свист стал сигналом к атаке. В тот же миг оцепеневшую ночь пронзили жуткие вопли и улюлюканье, и тёмное небо прочертил рой горящих стрел. В двух или трёх местах вспыхнул пожар. Замелькали тени, послышался топот многочисленных ног, треск ломающихся стропил, на которых покоились крыши вигвамов, наполненные ужасом крики женщин и плач детей. Перепуганных, не успевших опомниться ото сна обитателей стойбища с хохотом и гиканьем выволакивали из жилищ, били, швыряли наземь. Мужчины вступались за своих жён, которых подвергали насилию прямо у них на глазах, и тут же падали под градом ударов.

Лишь в центре стойбища вспыхнула яростная скоротечная схватка. Джексон и с ним ещё семь человек, за полминуты до нападения поднятые тревожным лаем Сильвы, сбились в крохотную когорту и оказали вооружённое сопротивление. Но враг многократно превосходил по численности, и почти все защитники стойбища были быстро перебиты. Уже мёртвым им отрубали голову и вспарывали живот.

Джексон дрался до последнего.

– Всем уходить! – кричал он, отбиваясь от наседавших врагов. – Встреча на перевале Сент-Рошаль! На перевала...

Страшный удар по голове оборвал его на полуслове.

Все, кто ещё оставался на свободе, покинули стойбище и бежали на запад в направлении, указанном Джексоном. На перевале Сент-Рошаль собралось шестнадцать человек, считая и детей. Остальные или погибли, или попали в плен.

При свете дня они увидели, как внизу, в долине, по их следам движется вражеский отряд.

Ускоренным маршем беглецы устремились дальше на запад, стараясь уйти от преследования. Сначала показалось, что это удаётся, и отчаяние уступило место надежде на спасение. Но к вечеру многие, особенно женщины, выбились из сил, и погоня вновь стала приближаться. Детей, а их было трое, несли по очереди. Хотя и невелик был их вес, но они затрудняли движение, руки ныли от длительной ноши. У беглецов не было ни крошки еды, и предательская слабость всё заметнее напоминала о себе.

Враги же взяли с собой запас продовольствия. Марта, отличавшаяся особой зоркостью, различила, как они наскоро перекусывали у ручья и запивали водой. Погоня была устроена по всем правилам военного искусства и была рассчитана на длительное время – на такое, какое потребуется, чтобы догнать беглецов и пленить их, хотя бы это заняло несколько суток.

День подходил к концу. Низкое слепящее солнце заслоняло далёкий край земли. Наконец оно потонуло в лиловом тумане, за ним погас и туман, и наступила ночь. Некоторое время беглецы, спотыкаясь, ещё шли в темноте, но вот женщины одна за другой стали валиться с ног, и Уиллис, принявший на себя старшинство, дал команду сделать привал.

Горы, окружавшие долину гейзеров, остались далеко позади, а здесь было их холмистое предместье, поросшее где молодым лесом, где кустарником, а где одной жёсткой колючей тра-

вой. На отдых расположились на западном склоне одного из холмов. Он закрывал от преследователей и создавал иллюзию некоторой безопасности.

Спустя час в той стороне, где осталось стойбище, поднялся рогатый месяц, ночная мгла слегка рассеялась, и сквозь неё проступили облитые голубым сиянием неясные складки местности. Все, за исключением Уиллиса, спали. Он сидел на вершине холма, вглядываясь в объятую сном фантазмагорическую картину, и пытался осмыслить случившуюся с ними очередную трагедию. Что за люди напали на стойбище? Откуда они взялись? Почему они так враждебны? Недавние сцены в стойбище представлялись кошмаром из каменного века.

В полночь Уиллис разбудил сначала Свенсена, а за ним и остальных мужчин. Несколько глухо сказанных слов, и четверо из них, обогнув холм, исчезли в ночи.

Шли молча, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Волнения не было – эмоции умерли, осталось только понимание необходимости задержать врага. Преодолев какую-то грядку, они увидели в низине, в километре от себя, огонёк костра. Снова двинулись вперёд. Последнюю сотню метров преодолевали ползком.

И вот чужой лагерь перед ними как на ладони. Хорошо видны костёр и спящие тела, распростёртые вокруг. И одинокая фигура часового, который сидел, поддерживая огонь. Иногда, вскинув голову и вглядываясь в темноту, он прислушивался и, помедлив, возвращался в исходное положение. По правую руку от часового – ворох сучьев. Вот он взял несколько из них и подложил в костёр. Огонь съёжился, чтобы затем, продравшись сквозь клубы дыма, вспыхнуть ещё ярче. Раз два часовой ронял голову на колени, но, одолевая дремоту, распрямлялся. Было далеко за полночь, и ему, конечно, хотелось спать.

Дав знак товарищам оставаться на местах, Свенсен стиснул в зубах финку и пополз к костру. Это именно он предложил применить против вражеских воинов их же тактику ночного нападения, и он же оговорил, что возьмёт на себя самое ответственное.

Свенсен был осторожнее кобры, ползущей к своей жертве. Ночную тишину нарушал лишь шелест листьев в кустах да журчание ручья, протекавшего по ту сторону костра. Чем ближе он подбирался, тем звонче становилось журчание. Это было как нельзя более кстати – он надеялся, что звуки бегущей воды перекроют шорох, который мог быть вызван его движением.

Когда до костра осталось несколько шагов, он поднялся и, наметив промежуток среди спящих, метнулся к часовому. Молниеносный охват левой рукой, ладонь зажала бородатый рот, и в тот же миг финка сверху вниз легко, по самую рукоять, вонзилась в ямочку между основанием шеи и ключицей. Два-три всхлипа, судорожные движения рук и ног, и Свенсен опустил обмякшее тело на землю. Из полумрака появились трое его товарищей: Фергюссон, Рейли и крепкий коренастый француз Дюмолен. Вытащив из-за пояса убитого нож, Свенсен бросил его французам как самому надёжному.

Началась кровавая работа. Всё делалось беззвучно, на затаённом дыхании. Короткий замах, тусклый блеск металла в свете луны, и одним вражеским воином становилось меньше. В считанные секунды вооружились все четверо.

Убив часового, Свенсен повернулся к спавшему рядом человеку и склонился над ним. Это был парень лет двадцати. Он лежал на спине, сцепив руки на животе. Во сне всё злое сошло с его лица, и губы дрожали в трогательной невинной улыбке. Свенсен осторожно потряс его за плечо. Всё ещё улыбаясь, парень открыл глаза, и финка дважды вошла в левую часть его открытой груди. Слабо охнув, парень подался было к Свенсену, но спустя мгновение безвольно повалился обратно на травяное ложе и затих. Точно так же Свенсен прикончил ещё одного.

И тут раздался ужасный предсмертный крик. Кто-то из товарищей Свенсена, то ли Фергюссон, то ли Рейли, поторопился и нанёс удар прежде, чем разбудил свою жертву, и человек закричал во сне. Они были всего лишь пассажирами, потерпевшими крушение, а не профессиональными убийцами, и потому не смогли довести начатое до конца.

Только что недвижимый лагерь схватился за оружие. Ночь захлестнули яростные крики, раздававшиеся с обеих сторон, их сопровождали хрипы и стоны раненых. Свенсен наносил удары налево и направо, стараясь прорваться к товарищам, кричал, что надо отходить, но отходить было уже поздно – Дюмолена, Фергюссона и Рейли окружили, и над их головами замелькали дубины и каменные топоры.

Вскоре с ними было покончено, и вся мощь вражеского отряда обратилась против Свенсена, оставшегося в единственном числе. Он сражался точно лев, желая одного: убить как можно больше этих ненавистных кровожадных существ, только внешним обликом походивших на людей. Но силы были слишком неравны, и продолжение схватки влекло за собой только бессмысленную гибель. Он заметил, что его стараются обойти, и стал быстро отступать. За спиной под кручей зашумел ручей. Оттолкнувшись от края обрыва, Свенсен сделал гигантский прыжок и приземлился на другом, пологом берегу. Кубарем полетел он дальше, пересчитывая неровности почвы, вскочил и бросился к темневшим невдалеке зарослям кустарника.

Сзади раздался хор неистовых воплей, плеск воды, треск сучьев. Просвистело несколько стрел, одна из них ударила в бедро, и нога сразу отяжелела. Он слышал, как приближается погоня, и хотел уже остановиться и встретить смерть лицом. В этот момент на луну набежала туча и спасительная тьма скрыла его из глаз преследователей.

До своих Свенсен добрался только под утро. Он весь был в струпьях запёкшейся крови, своей и чужой. Вид его был ужасен. Его не спрашивали, что случилось с тремя остальными – всё было и так понятно. Никто не плакал. Слёзы перегорели.

Джон Уиллис осмотрел его раны и наложил повязки с листьями полыни, обладающими противовоспалительными и заживляющими свойствами. Закончив, он поднял глаза и встретился с понурыми взглядами соплеменников.

– Ну, надо идти, – сказал он, тем самым ответив на обращённый к нему немой вопрос: что делать дальше?

Ни в этот день, ни в последующие погони не было замечено. Видимо, у ватаги, оставшейся возле ручья, оказалось много раненых и ей стало не до беглецов. Опасность плена отдалась, и изнурительные маршевые броски сменились более спокойным, размеренным движением.

Они взяли ориентир на северо-запад, склоняясь больше к западу. Там, по их представлениям, должна была находиться Европа, то есть их родина. У них возродилась надежда на возвращение в цивилизацию, в старый добрый мир. Фантазия рисовала преисполненные счастьем картины былого: словно наяву, виделись оживлённые улицы городов, лица друзей, слышались удивлённые приветственные возгласы – беглецы улыбались в ответ и устремлялись к манившим их видениям.

У них не было огня, а из оружия имелась только финка. Во время нападения дикарей на стойбище они выбежали из вигвамов полуодетые, и то, что на них было, и составляло всё их имущество. Территория, которой продвигались беглецы, была пустынна, и они страдали от жажды и голода. Не раз им грозила смерть, но в критические моменты Провидение, сжалившись над ними, выводило их то к финиковой пальме, то к источнику воды.

Встреча с Игорем явилась счастливым предзнаменованием и вселила в них новые надежды. На двадцать девятый день совместного пути он привёл их к заливу.

* * *

Пётр Васильевич был так рад появлению людей, что забыл попенять сыну за его полуторамесячное отсутствие. Игорь знакомил его с каждым, называя по имени, а он, словно онемев, был способен только робко кланяться и пожимать протягиваемые руки. Когда к нему вернулся дар речи, он сказал сыну, что, вероятно, надо готовить обед. Игорь, однако, сказал

с едой не спешить: последний переход был непродолжительным, перед тем как проделать его, они сытно позавтракали. Прежде всего им надо помыться с дороги. Вот помоются, тогда можно приниматься и за еду.

На берегу ручья, несколько дальше места, до которого доходила самая высокая приливная волна, стояло нечто вроде хижины. Это была баня, единственное, что отец с сыном построили за время своего пребывания у залива.

Содержание тела в чистоте было неотъемлемой частью их обихода. Ещё в первые недели проживания в трюме баржи нестерпимый зуд вынудил их вспомнить о банных процедурах, и они стали мыться с головы до ног не реже одного раза в полмесяца. Воду грели в ведре. Зола было хоть отбавляй; её заливали кипятком в лоханке из обожжённой глины, получая щёлок, заменявший им мыло. В штабелях дров, которыми они набили трюм баржи, нашлось несколько липовых сучьев. Содрав с них кору и отделив от неё более мягкие внутренние слои, они изготовили настоящие мочалки. Мылись в дальнем от отверстия топки углу, образованном бортом баржи и переборкой, там, где печной боров переходил в трубу и было всего теплее. Ко всему прочему вода, которой они ополаскивались, находила в том месте какой-то сток и бесследно исчезала в песчаном полу.

Поселившись у залива, они чуть ли не ежедневно купались в нём. И один раз в десять дней грели воду, готовили щёлок и под открытым небом у ручья мылись более основательно.

И всё же это было не совсем то, чего требовали душа и тело. Пётр Васильевич мечтал о настоящей бане, о такой, какая стояла у них в огороде в Тихомирове. Не единожды заводил он разговор о её строительстве, но Игорь только отмахивался.

– И так сойдёт, – говорил он.

Пётр Васильевич не настаивал. Он ждал, когда идея строительства овладеет и Игорем.

Ждать пришлось не так уж долго. В один из помывочных дней они развели у ручья костёр, согрели воду и приготовили щёлок.

Разоблачившись первым, Игорь опустился на колени перед деревянным корытцем со щёлоком. Попробовал рукой, не горячо ли. Было в самый раз.

Глубоким мягким ковром стелилась под ногами трава. Слева догорал костёр. Справа доносился тонкий говор ручья. За спиной тихо шелестели у песчаного берега, переливались тысячами солнечных зайчиков голубые волны залива. В отдалении за скалами шумел морской прибой.

Смочив волосы щёлоком, Игорь запустил в них пальцы и быстрыми скребущими движениями побежал ногтями по коже головы.

Он не обратил внимания, как смолкли птицы, прекратилось всякое движение воздуха и природа замерла в ожидании чего-то необычного. Внезапно солнце скрылось за тучами и с моря долетел резкий порыв ветра. И почти сразу же стеной обрушился холодный ливень с градом.

Если Игоря ливень застал врасплох, то Пётр Васильевич вовремя заметил перемены в погоде. Пока сын намыливал волосы щёлоком, он оделся и бегом припустил к пещере. Под ливень он попал только перед входом в неё, а ударов града почти не испытал.

Зато Игорю досталось. Градины были с голубинное яйцо, а некоторые и крупнее, поэтому шишки и ссадины разукрасили его со всех сторон. С воплями и проклятиями, голый, ворвался он в пещеру, прикрывая голову скомканной одеждой.

– О-о, дьявол его заberi, да что это такое?! – кричал он, уже оказавшись под сводами пещеры. – Как пошло молотить, не пойму ничего, только бум, бум, да по голове, по голове! Глаза щёлоком ест – не могу разлепить. Зову тебя, а тебя и след уж простыл. Вот попал так попал.

Пётр Васильевич сидел на корточках у еле тлевшего костра, грел ладони, смотрел, как хлещет за входом ливень и подпрыгивают градины, и, казалось, не слышал того, что выкри-

кивал сын. Он думал о посевных участках. Два дня назад был закончен сев пшеницы. Хорошо, всходы ещё не появились, иначе град полностью погубил бы их; тогда надо было бы проводить повторный посев, а на это пришлось бы истратить зерно, оставленное на выпечку хлеба.

Одевшись, Игорь сразу успокоился и даже рассмеялся.

– Ладно, поделом мне, – сказал он, присаживаясь рядом с отцом. – Говорил ты, чтобы баню строить, а я – «нет, не надо». Сейчас под крышей-то в ус бы не дули – мылись бы себе да, глядишь, и парились бы. Короче, пап, давай баньку-то построим. Как ты, не передумал ещё?

Сказано – сделано. Не прошло и месяца, как баня была готова. Сладили они её по чёрному – так, как было у них в Тихомирове. И вообще они старались, чтобы она как можно больше походила на прежнюю их баню. Они соблюдали те же размеры, приделали такой же рубленый предбанник. Наружный вход, как и в былое время, был с северной стороны, а окно смотрело на юг. Печку сложили в северо-восточном углу, а полки примостили вплотную к ней – в северо-западном. Каменка была не сверху печи, а сбоку её, в большой кирпичной печурке.

Но были и отличия, которых невозможно было избежать. Крышу для простоты сделали не двух, а четырёхскатную – шатровую, и крыта она была не тёсом, а толстым слоем тростника, придавленным сверху тонкими длинными жердями.

Ну и других отличий было полно. Окно сделали поменьше и вместо стекла затянули его сшитыми в единое целое оленьими пузырями, предварительно тщательно, до тонкости размятыми в золе. И котёл, разумеется, был не чугунный, а из обожжённой глины. Но размерами он не уступал тому, прежнему и, как и тот, вмещал в себя ведёр пять воды. Двери висели не на металлических, а на деревянных петлях.

Берёза в этих краях не произрастала. Но кое-где в горах попадался дуб, и в ход пошли дубовые веники.

Париться любили оба. Пар, причём сухой, был такой жаркий, что обжигало уши и воздух не шёл в лёгкие.

Поддав в каменку, отец с сыном забирались на просторный полки и млели там, исходя обильным потом. Доведя себя до нужной кондиции, они срывались с места и выскакивали вон, под открытое небо. В нескольких шагах от бани ручей расширялся и образовывал бочажок, со дна которого били сильные ключи, отчего вода в нём была ледяной. Они с разбега прыгали в этот бочаг и, вопя от восторга, окунались в него и раз, и другой, и третий.

Освежив себя, снова устремлялись в баню. Зачерпывали из котла и поддавали в каменку баклажку-другую кипятка. В ответ из тёмного жерла жажало раскалённой, уходившей под потолок воздушной волной. Начинался второй сеанс испытания экстремально высокими температурами, на этот раз с применением дубовых веников. Хлестали сами себя и друг друга, не зная удержу. Листья с веников летели во все стороны, прутья оголялись и рассекали кожу, а отец с сыном, поддаваясь какому-то иступлению, ничего не замечали.

Плохо было только со щёлоком, которым мыли голову. Он разъедал кожу, и после него лицо долго ещё оставалось крупнопористым и дряблым, похожим на рогожу.

Однажды, вернувшись с охоты, Игорь застал отца за необычным занятием. Пётр Васильевич проделывал какие-то опыты с золой и животным жиром.

– Что это ты делаешь? – спросил Игорь с недоумением.

– Что делаю? Мыло варю.

– Мыло?! Гм, и ты думаешь, у тебя что-нибудь получится?

– А почему бы и нет. Ведь кто-то когда-то мыло уже изобретал, верно? Ну а мне-то проще. Во-первых, я знаю, что хочу получить. Во-вторых, составы, которые надо применить, мне тоже примерно известны.

– Вот именно, что примерно.

– Да, но основные из них – жир и зола – у меня есть!

– А толку-то! Я тоже где-то читал, что в мыловарении применяются поташ, который можно получить из золы. Но ты даже не знаешь, что он собой представляет. Ты в глаза его не видел. Как и я тоже.

– Вот большая беда – не видел! Не сомневайся, будет и поташ, и всё остальное.

– Так людям, чтобы изобрести мыло, века понадобились! Ты тоже сто лет будешь с этим возиться, да? Брось-ка ты.

Неверие сына в затею с мылом досаждало Петру Васильевичу, и ему хотелось рассердиться. Но голубое небо, ласковое солнце, сладкие травяные запахи равнины так разнеживали, что выйти из себя было невозможно. Поэтому Пётр Васильевич только улыбнулся и сказал:

– Вот что, друг сосновы лапти, ты мне не мешай. Я буду заниматься своим делом, а ты – своим. Договорились?

Первые варки дали ни на что не годную вонючую тёмно-коричневую жидкость. Но неудача не обескуражила экспериментатора, и он продолжал проводить опыт за опытом.

Ему долго не везло. Жидкость, которую он получал, даже полностью остывнув, не затвердевала. Петру Васильевичу же хотелось получить настоящее твёрдое мыло.

Только месяца через три одна из варок дала твёрдую массу. Она была жёлто-коричневого цвета, резалась ножом и, как пластилин, поддавалась лепке. Но она совершенно не мылилась.

Тем не менее Пётр Васильевич понял, что находится на верном пути. Он сделал недельный перерыв, надеясь за это время найти правильное решение.

И правда, последовавшие затем варки дали продукт, близкий к банному мылу. Оно было немного темнее и мягче того, каким они когда-то пользовались, издавало древесно-сладковатый аромат и прекрасно мылилось. Остывая, полученная масса густела. Пётр Васильевич разрезал её на равные части, которым придавал затем форму овальных брикетов.

Потом стало выходить мыло, напominвшее им простое земляничное – тот же цвет, тот же запах, те же моющие свойства.

– Ну, это предел, – сказал Игорь, оценивая новую продукцию. – Лучше в наших условиях получить невозможно.

– Ты так считаешь? – проговорил Пётр Васильевич. – Напрасно. Я за это дело серьёзно ещё и не брался. У меня тут есть кое-какие наметки; вот погоди, мы с тобой такое изготовим!

Пётр Васильевич сдержал слово. Прошло ещё несколько месяцев, и у них появилось мыло, которое не просто очищало кожу – оно холило, питало её, делая более гладкой и упругой.

– Такого не только в Тихомирове – нигде, наверно, никогда не было! – с восхищением сказал Игорь. – Это что-то новенькое в мыловарении. А пахнет, пахнет-то как!

Действительно, полученная продукция была своего рода шедевром кустарного производства. Поэтому Петру Васильевичу не стыдно было протянуть прибывшим к заливу людям душистые белые и зелёные куски этого мыла.

* * *

И вот баня истоплена. Игорь не пожалел дров – с расчётом, чтобы жара хватило на всех. Подождав, пока сойдёт угар, он помыл пол и, выглянув из предбанника, крикнул, призывно махая рукой:

– Эй, Уиллис, Свенсен, О’Брайен, заходите, пора!

По тихомировскому обычаю первыми, когда в бане особенно жарко, мылись мужчины, а затем уж, поочерёдно, женщины с малыми детьми и старики.

Пропустив мимо себя всех троих, Игорь зашёл сам и закрыл за собой дверь.

– Ну что, начнём? – сказал он, окидывая ободряющим взглядом сотоварищей.

У западноевропейцев было смутное представление о том, как надо мыться в русской бане, тем более сделанной по чёрному. Игорь предупредил, что стен лучше не касаться – от постоян-

ного задымления при топке они прокоптились и пачкали сажей. В основном жестами, он объяснил, как пользоваться веником, для чего предназначен полук, как поддавать пар и так далее. Наука, которую он преподавал, оказалась несложной, и вскоре все четверо с уханьем и кряканьем парились, нахлёстывая себя вениками и соревнуясь, кто дольше выдержит высокую температуру.

Напарившись, они выскакивали из бани и один за другим с разбега прыгали в ручей, в середину бочага.

О'Брайен поначалу замешкался на бережку, непонятно залопотал по-своему и приложил руку к левой стороне груди.

– Сердце, сердце, – с улыбкой пояснил Уиллис Игорю. – Он опасается, что его сердце не справится со стрессом, который возникает из-за перепада температур.

– Справится, – решил Игорь и лукаво подмигнул Свенсену, только что вылезшему из воды. Тот понял его и в знак согласия едва заметно повёл головой сверху вниз. Внезапно набросившись на О'Брайена, они повалили его, ухватили за руки и ноги, раскачали и бросили в бочаг. Отчаянно-шутливый вопль, шумный плеск воды, О'Брайен ушёл в глубину и тут же, оттолкнувшись от дна, до пояса вынырнул на поверхность.

– О-о! – возбуждённо закричал он и, окунувшись ещё несколько раз, стал выбираться на берег, при этом улыбаясь и что-то приговаривая на английском.

– Понравилось ему или нет? – спросил Игорь у Уиллиса и из его ответа понял, что купание в ручье доставило О'Брайену райское наслаждение.

Сразу всех женщин баня вместить не могла, поэтому они разделились на две партии. Последними мылись матери с детьми. Для малышей Пётр Васильевич выделил оранжевое мыло, обладавшее особенно щадящими моющими свойствами и наиболее годившееся для чувствительной детской кожи.

* * *

Солнце прошло половину пути от зенита до горизонта, когда Пётр Васильевич объявил, что «стол» накрыт.

Прямо на траве, недалеко от входа в пещеру, были расстелены шкуры животных, уставленные различными кушаньями. Пётр Васильевич и его помощницы – а в этом качестве поочередно побывали все женщины – потрудились на славу. Были приготовлены блюда из олени и фазанов, которых Игорь подстрелил на подступах к заливу: шашлыки, пельмени, отбивные котлеты, печень жареная и тушёная, жаркое из фазана по-итальянски и фрикасе из фазана по-ирландски. Неплохим дополнением к ним стали рыба жареная, отварная и запечённая в золе, черепаший суп и варёные крабы и кальмары. Одни из этих блюд были поданы под белым соусом с яйцом и вином, другие с гарниром из жареного дикого лука, третьи вообще без каких-либо добавок, в чистом, так сказать, виде. По всей длине «стола» горками возвышались изюм, финики, орехи, цитрусовые, бананы, стояли плоские со стопками сотового мёда, кувшины с виноградными и финиковыми винами.

Расположились кто как: одни сидели на коленях, другие – по-турецки, третьи возлежали, как это было принято когда-то в древнем Риме.

Игорь удивился, насколько изменились после бани его спутники: все разругались, помолодели. Женщины превратились в настоящих красавиц; хорошее мыло сняло серый налёт длительного путешествия, кожа у всех стала нежной, персиковой. Тщательно промытые волосы волнами ниспадали на плечи у одних и были уложены в изящные причёски, скреплённые тонкими кожаными ремешками или гибкими стеблями трав у других.

Пётр Васильевич разлил вино по бокалам, больше походившие на обычные чашки с широким дном. Ему и предложили произнести первый тост. Он застенялся и стал отнеки-

ваться, но все с ожиданием смотрели на него и поощряли улыбками. Уиллис что-то сказал Марте, она – Игорю, а он перевёл отцу, мол, ты хозяин застолья, тебе и слово. Тогда Пётр Васильевич собрался с духом и сказал:

– Выпьем за то, чтобы подобные встречи происходили и впредь, – на этом его красноречие иссякло, он замолчал и выпил до дна.

Игорь перевёл сказанное отцом Марте, а она перевела на английский. Раздались аплодисменты, одобрительные возгласы, послышались звуки чоканья. Бокалов было всего четыре, и они пошли по кругу.

Марта сидела слева от Игоря. С ней произошло ещё более чудесное превращение, чем с остальными женщинами. Черты её лица смягчились, и она стала такой красавицей, что Игорь боялся посмотреть в её сторону. А она, не замечая смятения соседа, оживлённо делилась своими впечатлениями о заливе, о море, о Петре Васильевиче и его бороде.

– Ты знаешь, – говорила она между прочим, – ваша баня доставила мне истинное наслаждение. А мыло... у него запах, как у букета роз. Извини за откровенность, но у меня ощущение, будто я впервые помылась по-настоящему. Впервые после той ванны, которую приняла в Вене перед полётом. Так легко дышится – тело словно поёт. В долине гейзеров... Мы там мылись в озере, но это было совсем не то. А Пётр Васильевич – он такой милый. Как тебе повезло – у тебя есть отец. Но вы с ним совсем не похожи. Разве только глазами и одинаковым разлётом бровей.

Игорь улавливал смешанный запах её чисто вымытой кожи и цветов, вплетённых в волосы. От близости девушки кружилась голова, смысл её слов ускользал, и какое-то чувство тревоги и волнения не давало ему покоя.

Им тоже налили вина. Их глаза встретились поверх бокалов, и ему показалось, что между ним и Мартой проскочил разряд молнии. У Игоря перехватило дыхание, он не понимал, что с ним происходит, и, чтобы избавиться от наваждения, залпом выпил.

А застолье шло своим чередом. Бокалы быстро перемещались. Вино заслонило беды и печали, развязало языки, шутки и смех уже не умолкали. Но пьяных не было. Пили понемногу, а больше закусывали, отдавая должное каждому блюду.

Наиболее тонким ценителем вина оказался Джон Уиллис.

– По вкусу – настоящие немецкие вина, – сказал он. И пояснил, обращаясь к Петру Васильевичу: – Немецкие – мои любимые. Как вам удалось получить такие?

Он отпил немного из бокала, подержал вино во рту, погоняв его языком, и сделал глоток.

– Прекрасно, великолепно! – воскликнул он. – Что-то сродни айсвайну. Айсвайн – один из лучших сортов немецких вин.

Не понимая слов, Пётр Васильевич слышал положительные интонации, а пантомима, разыгрываемая Уиллисом, уточняла смысл сказанного. Он тоже улыбался, согласно кивал головой и предлагал налить из другого кувшина.

– Пап, – сказал Игорь, – Уиллис спрашивает, как тебе удалось изготовить такое вино. Его интересует технология его производства.

– Гм, технология! – Пётр Васильевич простодушно улыбнулся и небрежно махнул рукой. – Скажи ему, дело не в ней, а в особенностях климатических условий и сортах винограда.

Пётр Васильевич рассказал, что вина он большей частью готовит из вызревшего, а также из заизюмленного винограда самого позднего сбора и что в качестве угощения он выставил и молодые, и которым уже несколько лет выдержки.

Его внимательно слушали, а Марту, являвшуюся основным переводчиком, многократно переспрашивали, требуя дополнительных пояснений.

Вина как нельзя лучше подошли к приготовленным кушаньям и навеяли воспоминания о канувшей в небытие цивилизации. Заговорили о том, как проводили те или иные праздники

в Швеции, Англии, Ирландии. Марта рассказала о встрече Нового года на курорте в австрийских Альпах, как там всё было замечательно и как счастлива была их семья.

Игорь слушал, не открывая рта. Уровень жизни в безденежном Тихомирове был неизмеримо ниже европейских стандартов. Их убогие вечеринки не выдерживали никакого сравнения с пышными гуляньями и карнавалами, о которых сейчас шла речь.

Дети, насытившись, уснули, и их положили в тень кустарника на постельки из оленьих шкур. Чистенькие, розовенькие, они походили на ангелочков, и взрослые с умилением останавливали на них свои взгляды.

Уже не притрагивались ни к рыбе, ни к мясу, снизили скорость вращения по общему кругу бокалы с вином, заторможенные пальцы нехотя выбирали на десерт фрукты и орехи. Однако никто и не заикался о прекращении застолья. Тревожное напряжение исчезло, все душевно расслабились, и каждому хотелось продлить состояние психологического комфорта.

Но всему приходит конец. Солнце опускалось всё ниже. Вот оно коснулось моря и потонуло в нём. Быстро стемнело.

На ночь расположились в пещере. Собаки улеглись у входа по ту сторону костра.

* * *

Баня, роскошное угощение, доброжелательность старожилов, чудесная погода, впечатляющие виды на море и равнину так действовали на западноевропейцев, что они сразу почувствовали себя как дома. Не прошли бесследно и рассказы Игоря об этом удивительном крае – все заранее были готовы принять его и сродниться с ним. Последние дни жили в предвкушении встречи с чем-то замечательным, но то, что они нашли, превзошло все их ожидания.

В разговорах по пути к заливу заходила речь и о жилье. Игорь отвечал, что беспокоиться об этом нечего. Пещера, в которой они с отцом живут, просторная, и места в ней всем хватит. К тому же кроме неё в Птичьих скалах есть ещё подобные укрытия, и при желании можно поселиться в них.

Ночь, проведённая в пещере, однако показала, что жизнь табором в замкнутом пространстве представляет очевидные неудобства. Поэтому после утреннего подъёма сразу же пошли осматривать другие пещеры. До одной из них было шагов сто пятьдесят, а до другой и того меньше. Пещеры эти значительно уступали первой размерами, но так же надёжно защищали от ветра и дождя.

В дальней из них поселился швед Улоф Свенсен с женой и дочкой, а в ближней – семья ирландца Эдварда О'Брайена, также состоявшая из трёх человек: его самого, его жены и их трёхлетней дочери.

Закончив с переселением, договорились об обеспечении едой. Свенсен и О'Брайен взяли удочки и сети и, оттолкнув от берега плот, двинулись на нём по заливу в надежде на богатый улов. Женщины разбрелись по берегу в поисках крабов и черепаших яиц. Пётр Васильевич и Уиллис взяли цепи и пошли на ток молотить пшеничные снопы.

Игорь и Марта вооружились луками и стрелами и, взяв с собой Цыгана и Сильву, отправились на охоту.

День оказался на редкость удачным. Когда, ещё задолго до заката солнца, охотники вернулись домой, нагруженные кабанчиком и десятком крякв и серых гусей, возле недавно разведённых костров уже лежала богатая добыча: груда небольших, сантиметров двадцать длиной, рыбёшек и множество крабов и черепаших яиц. Немного в стороне стояла большая корзина апельсинов и лимонов, которые Пётр Васильевич и Уиллис нарвали в ближайшей цитрусовой роще.

Утром, после завтрака, каждый, отправляясь на промысел, захватил с собой по куску мяса, лепёшке и пригоршне фиников и изюма. Но к вечеру все изрядно проголодались и, вернувшись домой, без промедления принялись за приготовление ужина. Самые искусные взяли на себя роль поваров, а остальные взрослые были у них на подхвате. За час до заката солнца кушанья были поданы, и обитатели пещер приступили к трапезе.

Всё было вкусно, но особенно хороша была уха из рыбёшки, которую наловили Свенсен и О'Брайен.

– Эта рыба называется шари, – пояснил ирландец. – Взрослые особи превышают полметра. А мы наловили молоди. В этом возрасте вкусовые качества её наиболее высоки.

– Ну вот, а мы её всегда выбрасывали, – с сожалением сказал Пётр Васильевич. – Всё боялись, как бы не отравиться. Мы ведь слышали, что в южных морях ядовитые рыбы далеко не редкость.

– Ничего, теперь у вас есть возможность наверстать упущенное, – со смехом утешил его О'Брайен. – Шари здесь видимо-невидимо.

Еды было вдоволь, и каждый ел столько, сколько мог осилить. И тем не менее всё одолеть было невозможно. Немало отдали собакам, часть потом съели за завтраком. Но погода стояла жаркая, скоропортящиеся продукты долго держать было нельзя, и значительное количество рыбы и мяса пришлось выбросить.

В связи с этим было решено вести добычу в разумных пределах, чтобы понапрасну не истреблять животный мир и не создавать свалок.

Как и у Петра Васильевича с Игорем, у новосёлов произошло разделение труда. Женщины в большинстве своём продолжали заниматься сбором яиц, поиском черепашек и крабов. За ними закрепилось приготовление еды, шитьё одежды и разные другие домашние дела. Но больше всего им нравилось сопровождать Уиллиса к цитрусовым и финиковым рощам и винограднику. А Свенсен и О'Брайен всё больше приобщались к рыбалке. Чуть ли не каждый день они вставали на плот и уходили на полюбившийся им промысел. И не было случая, чтобы они возвратились без улова.

– Молодцы, ребята! – говорил им Уиллис. – Во многом благодаря вам у нас такой богатый ассортимент продуктов. Входящие в состав рыбы белки и жиры легко усваиваются человеческим организмом и чрезвычайно полезны для него. Не случайно наши детишки стали такими крепкими и здоровыми. Вон какой румянец у них – во всю щёку.

Как-то О'Брайен высказал мысль о строительстве другого, более прочного и совершенного плота – катамарана.

Все мужчины загорелись этой идеей и рьяно взялись за сооружение нового плавсредства, не забывая, конечно, о повседневных текущих работах. В ход пошли и ножовка, и оба топора.

Прошло около четырёх месяцев, и плот был полностью готов. В глазах Игоря он выглядел двумя параллельно расположенными, похожими на индейские пироги длинными поплавками, соединёнными поверху разными раскосами и поперечинами. Сверху эти крепёжные конструкции закрывала палуба с фальшбортами из стёсанных с боков и положенных один на другой брусьев, которые тянулись по всему её периметру. По периметру палубы протянули и поручни, уберегавшие от падения в воду. Поручнями служили верёвки, свитые из волокон дикой конопли. О'Брайен, который когда-то был неплохим яхтсменом, оснастил плот всеми необходимыми парусами, сшитыми из кожи. Мачта, паруса, поднимающийся под углом бушприт делали катамаран похожим на корабль.

Провели ходовые испытания. Катамаран был довольно маневренен, мог идти против ветра и по скорости втрое превосходил своего предшественника.

Всесторонне опробовав его, О'Брайен предложил взойти на его палубу женщинам, и они совершили по заливу увеселительную прогулку. Плавание под парусами, открывшаяся

под необычным ракурсом панорама равнины просто околдовали их. Они ахали от восторга и высказали пожелание сделать такие прогулки регулярными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.